

Сергей Георгиевич Донской

Конь в пальто

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=281122
Конь в пальто: Эксмо; Москва; 2000
ISBN 5-04-005397-5*

Аннотация

Или ты лох, или крутой – третьего не дано. Быть лохом – не для него. Главное – иметь много денег. И он готов на все, чтобы добыть их. Если раньше он дрался за честь женщины, то теперь способен хладнокровно свернуть шею любой. Слишком многое стоит на кону, слишком свирепы его враги. Он обыгрывает их – миллион «зеленых» в его руках. Однако главный выигрыш – жизнь – впереди.

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	8
3	11
4	13
5	16
6	20
7	22
8	25
Глава 2	29
1	29
2	31
3	33
4	35
5	38
6	41
7	44
8	47
9	49
Глава 3	52
1	52
2	56
3	60
4	62
5	65
6	67
7	68
8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Донской

Конь в пальто

Ни один из персонажей этой книги не может считаться реально существующим, поскольку все они порождены нашей совершенно бредовой действительностью.

Автор

Глава 1

1

Те, кому доводилось видеть собственными глазами один миллион долларов США наличными, хотя бы даже и в кино, не станут отрицать, что это много, очень много денег. Между прочим, что-то около восьми килограммов, если преимущественно сотенными купюрами. Достаточно весомая и осязаемая сумма.

Бывают, конечно, суммы и побольше – десятки, сотни миллионов, а то и миллиарды. Эти вожаемые нолики действительно существуют, и кто-то где-то ими крутит-вертит, но только правды об этом никто не напишет. Те, кто в курсе, графоманством не страдают. А если и нападёт на информированную персону сгоряча словесный понос, то болезного мигом вылечат самыми кардинальными методами. Охладят, так сказать, пыл. До температуры тела значительно ниже, чем 36,6 градуса по Цельсию.

Но историю одного миллиона поведать все же можно. Большинства людей, соприкоснувшихся с ним, уже нет в живых, они возражать, надо полагать, не станут. Таково уж неприятное свойство богатых финансовых урожаев – они произрастают только на щедро удобренной трупами ниве, при наличии свежей кровавой подливки. Образовавшись, эти деньги не питают ни малейшей привязанности к своим заботливым хозяевам, предпочитая переходить из рук в руки, на манер развратной девки капитализма.

Большие деньги обязательно убивают владельцев, как наркотики. Иногда – неотвратимо-медленно. Иногда – молниеносно, это при передозировке, когда кто-то проглотил больше, чем смог переварить и усвоить.

Это не метафора. Для эксперимента возьмите штуку баксов, если они у вас имеются, разложите купюры веером и прогуляйтесь среди бела дня по центральной улице своего города. Без охраны, пешочком. Далеко уйдёте? То-то! А ведь речь идёт лишь об одной тысячной миллиона! Сейчас время такое лихое, что и за сотню прихлопнут, не моргнув глазом. А уж за миллион долларов США...

Короче, много народу за него полегло. Разные это были люди, они и умирали по-разному.

Но мрачный почин, по иронии судьбы, был положен женщиной, не имевшей к миллиону ни малейшего отношения. С нее мы, пожалуй, и начнем. Вот только...

Малосимпатичной она была, если приглядеться. Лицо давно стало великовато для маленьких глаз. Грудь порастеряла ту налитую упругость, которую некогда все кавалеры наперебой стремились оценить на ощупь. Талия сравнялась с бедрами. Ноги подукоротились под многолетним давлением массивного туловища.

Стоя перед вертикальным зеркалом в спальне, Ирина Дмитриевна Славина, пугающе-далекого года рождения, замужняя, бездетная, несчастная-разнесчастная, уныло раз-

глядывала свое отражение, машинально прокручивая в мозгу самоутешительную мантру-частушку:

Если бабе сорок пять, баба – ягодка опять.

Почему-то «баба-ягодка» сначала скукожилась до «Бабы Яги», а потом в сознании всплыл... арбуз. Иринин муж, Борюсик, при церемонном разрезании арбузов летними вечерами почти никогда не забывал огорошить ее научно-познавательным фактом о том, что: «Это, между прочим, ягода! Вишня – ягода, крыжовник – ягода, и арбуз, представь себе, – тоже я-го-да. Вот так-то!»

Борюсик шумно пожирал купленные Ириной арбузы и рассуждал о их «ягодообразности» столь значительно, словно сам сделал это потрясающее открытие. Он называл это *общей эрудицией*. Ирина подозревала *общий склероз* – с тех пор, как услышала про ягоду-арбуз в десятый или двадцатый раз.

Она вздохнула и попыталась втянуть живот, оценивая изменения, произошедшие с отражением. Сравнивать себя с арбузом было, конечно, рановато, но и на ягодку она уже явно не тянула. Стереть бы с физиономии эту Каинову печать времени! Дело было даже не в морщинах, а в особом выражении лица, в оттиске увядания, который не скрыть никаким макияжем. Хоть прямо сейчас садись на лавочку у подъезда, грей косточки на весеннем солнышке и дожидайся, пока надо будет помирать!

Мышцы ее лица непроизвольно сжались, выдавливая из специальной ямки в лобной кости горячие слезы, искавшие выход наружу. Поползли вниз уголки губ. Собралась в гармошку кожа на переносице.

Но оплакивание невеселой бабьей доли прервал зычный голос Борюсика. К своему изумлению, Ирина Дмитриевна безошибочно распознала в нем некие игривые нотки, воркующие обертоны, сигнализирующие о готовности мужа предаться любовным утехам.

– Ирочка, ты не очень спешишь? Может, задержишься на полчаса?

Вообще-то Ирина Дмитриевна Славина, администратор бойкого привокзального рынка, не любила опаздывать на работу – все самые важные события происходили там, как правило, утром. Однако, как женщине, ей именно сегодня было необходимо ощутить себя желанной, кому-то нужной, хотя бы и опостылевшему Борюсику. И она отозвалась не без томности:

– Ну ты, блин, снесся! Раньше нельзя было сказать? Я уже и морду накрасила...

– А мы аккуратненько...

С этими словами в спальне материализовался Борюсик, голый и мокрый после утреннего душа. Это была традиционная прелюдия. Раз в месяц, обязательно утром и обязательно голый, пятидесятилетний Борис Петрович Славин изъявлял желание пошалить. С годами это однообразие приелось, набило оскомину. Но привередничать, особенно теперь, со стороны Ирины Дмитриевны было бы непростительной глупостью.

Прекратив гипнотизировать свое полудетое отражение, она оторвалась от зеркала и всем корпусом развернулась к Борюсику, даря ему призывный взор под кодовым названием «особый безотказный».

Посапывая от нетерпения, он умело избавил супругу от всего лишнего, обслонявил ей оба соска и увлек в гостиную, на заранее приготовленный стул, выдвинутый на середину комнаты. Начиналась не лучшая, но обязательная часть программы. Расслабься и дай мужу получить удовольствие. Потом поднатужься и сама получи удовольствие от расслабленного мужа. Брачная традиция.

Усадив Ирину Дмитриевну на стул, Борюсик с шелковым шнуром в руках принялся привычно обхаживать ее, применяя успокаивающую тактику паука, опутывающего муху-цокотуху:

– Ну-ка, сначала ножку... Другую... Ручки за спину... Ровненько сядь, ровненько... Потерпи, я сейчас... Сейчас...

Привычно отключившись от этой пакостной возни, Ирина Дмитриевна размышляла о чем-то постороннем и не замечала в поведении мужа ничего из ряда вон выходящего. А странности наблюдались – и еще какие! Во-первых, Борюсик затеял внеплановый утренний моцион, поскольку в последний раз играл в свою любимую игру не месяц, а всего лишь неделю назад. Во-вторых, никакой эрекции не наблюдалось, хотя в остальном у Борюсика был возбужденный, даже перевозбужденный вид. В-третьих, путы накладывались слишком тщательно и слишком туго, словно Ирина Дмитриевна являлась настоящей жертвой настоящего садиста, а не законной женой развлекающегося мужа.

Эти странности, а затем и остальные, сложились в общую картину слишком поздно, когда на свет появились перчатки и моток скотча. Но пользы от запоздалого прозрения уже не было никакой...

А ведь самый первый предупредительный звоночек прозвучал значительно раньше!

Прошлым вечером Ирина Дмитриевна набрала из своего кабинета домашний номер и предупредила мужа, что задержится допоздна:

– Цитрусовые должны завезти. Придется проследить за разгрузкой и приемкой.

– Мгм, – буркнул Борюсик неопределенно. – Ясно.

– Что ясно?

– Да все ясно!

– Значит, ясно? – вскинулась Ирина Дмитриевна с яростью лживой женщины, которую пытаются уличить в обмане. – Что именно тебе ясно? Что тебе в твоём долбаном НИИ никак не выплатят зарплату? Или выплатили? За позапрошлый год?

– Нет, пока нет.

– Пока-а-а, – передразнила она ядовито. – И хрен выплатят! Ты же даром согласен штаны протирать! Не способен обеспечить семью, как любой нормальный мужик? Так не устраивай мне сцены ревности! У меня работа, понимаешь, ра-бо-та! И я получаю за нее деньги! В отличие от некоторых.

– Понятно.

Снова никаких эмоций. Или это затаенная обида? Стало вдруг жаль беспомощного Борюсика, утратившего с наступлением рыночных отношений все свои доцентско-кандидатские и просто мужские достоинства. К жалости примешивалось чувство вины. Цитрусы были завезены на рынок значительно раньше и уже реализованы, до последнего мандарина. Сегодня намечалась совсем другая программа. С минуты на минуту в администраторской комнатухе должны были появиться сыны гор, чтобы забрать причитающуюся им наличность, пересчитанную дважды, рассортированную по купюрам и упакованную в полиэтиленовый пакет. Навар Ирины Дмитриевны, обращенный в валюту, запросто уместился в кармашке ее сумочки, но составлял приличную сумму: две тысячи долларов. Было двадцать, стало двадцать две. Первичное наращивание капитала шло по своему непреложному закону: денежка к денежке.

Но деловитый администратор Славина являлась еще и женщиной, стоящей на пороге климакса, поэтому ее загадочную душу согревали не только финансы. Залетные джигиты, домогаясь от нее содействия в скорейшей реализации своего скоропортящегося товара, уживались вокруг Славиной орлами, маняще зыркали, зовуще цокали. Особенно старался тот, кого звали то ли Гурамом, то ли Гиви. Отставив поджарый зад, Гурам-Гиви прижал ее к стеночке, жарко дышал в лицо всеми ингредиентами кавказской кухни, шептал, царапая нежное женское ушко неистребимыми колючками щетины:

– Памагы, да? Такой женщина, умный, красивый! Вместе дэньга заработаем, слюшай. Гулять станем, шампански-коньяк пить станем. Памагы, Ырочка, памагы, красавыца!..

Она и размякла, превратилась вся в нежную свининку, пускающую сок в предвкушении сладостного мига нанизывания на жесткий шампур. Бросила взгляд на древний плакат своего обожаемого зубастого Кикабидзе. «Па аырадрому, па аырадрому лайнэр прабэжал, как па судбэ-э»... Поправила прическу. Вздохнула и сдалась на милость победителя.

Ирину Дмитриевну даже в жар бросило, когда она вспомнила страстный шепот Гурама-Гиви и невольно сравнила его с вялым голосом Борюсика. Ну нет, такой шанс упустить было нельзя! Подавляя в себе неуместную жалость к супругу, она сухо распорядилась в телефонную трубку:

– На ужин пельмени, они в морозилке. Ветчину трогать не смей – это на завтрак... Не скучай там без меня.

– Да я и не скучаю...

Странный тон, нехороший. Или?..

– Ты что, пьян? – заученно посуровела Ирина Дмитриевна.

– Да выпил немного с одним...

Вот когда прозвучал первый тревожный сигнал, предупреждая: опомнись, Ирка, одумайся. Беги домой, пока не поздно!

Но не распознала она никакого сигнала, только разозлилась, топя в праведном гневе жалость и чувство вины, а заодно мысленно перенося возвращение домой за полночь.

– Немного? – прошипела она. – Я слышу, как немного! Наж-ж-ралс-ся, с-сволоч-чь!

«Тю-тю-тю», – осуждающе заныл зуммер отбоя в ухо Борюсика.

2

Борис Петрович Славин не то чтобы нажрался, но потребил тем знаменательным мартовским днем не так уж и мало.

Юркнув во время обеденного перерыва в ближайший гастроном, чтобы разок – только один разок – «остограмниться» у липкого прилавка, доюркался Борис Петрович в конечном итоге до полного нежелания возвращаться на рабочее место. Тем более что его присутствие или отсутствие там ничего не меняло в материальном плане ни для самого прогульщика, ни для его «НИИЧтоТоТамСтрой».

К двум часам пополудни нездоровое оживление молодежавого пожилого мужчины с хемингуэзской бородкой пошло на убыль. Не усталость была тому виной, а полное истощение финансовых ресурсов, поступающих от супруги только под три расходные статьи: проезд в общественном транспорте, обед, сигареты. Экономя, Борис Петрович иногда умудрялся кое-что поднакопить, но на долго ли могло хватить этих жалких грошей? Последняя полторастограммовая доза, приобретенная в забегальном баре «Минутка», должна была поставить точку на этом мотовстве и разгуле.

Бережно держа в руке пластмассовый стаканчик, Борис Петрович окинул взором три столика, предназначенных специально для малоуважаемых дневных потребителей спиртного. Стульев им не полагалось: нечего тут расслаиваться! Только высокие круглые столешницы – этакие трибуны для высказывания пьяных откровений. Средний столик пустовал по причине блевотной лужи под ним. За левым невразумительно жужжали два крепко вмазавших гражданина, старательно опираясь на стол и на плечи друг друга. Борис Петрович, оказавшись, подобно былинному герою, на распутье, двинулся направо.

Там, спиной к окну, скучал одинокий молодой человек в длинном плаще из черной кожи. Волосы под цвет плаща, только с рыжеватым отливом. В них был намечен боковой пробор, однако прическа выглядела не по моде буйной. Парень имел симпатичное лицо с запавшими щеками, большие глаза, прямой нос, чуточку презрительно выпяченную нижнюю губу и крепкий подбородок. Спокойный парень, приятный, внушающий доверие. Перед ним стоял стандартный стаканчик, но натюрморт дополнялся бутылочкой желтой фанты.

Борис Петрович никому, даже себе самому, не признался бы в том, что к столику незнакомца его подтолкнула надежда не только на шапочное знакомство, но и на дармовое угощение. Просто он пошел направо, отчего его биография направилась в совершенно новое, неожиданное русло.

– Уф! – сказал он вместо приветствия и оправдывающим наличие стаканчика тоном добавил: – Набегаешься за день, как собака, вымотаешься... Надо же как-то снять стресс, верно?

Не потрудившись убрать с голубых глаз нависшую челку, парень смерил подошедшего взглядом, выдвинул фанту на середину стола, поднял свой стакан и предложил:

– Отравимся?

Приняли беленькую, запили по очереди желтеньким. Присмотревшись к глазам Бориса Петровича, подернувшимся мечтательной поволокой, парень улыбнулся уголком губ, сходил к стойке и возвратился с двумя полными стаканами:

– Угощаю.

– Зачем же? Неудобно даже, – нерешительно заговорил Борис Петрович, хотя подношение уже принял и успел взять стакан на изготовку, держа его в согнутой руке на уровне подергивающегося кадыка.

– Ладно, кончай эти китайские церемонии. Лучше отравимся. Давай!

Огненная жидкость вновь побежала по жилам Славина, возвращая ему бодрое, приподнятое настроение духа. Он почувствовал себя таким задорным и молодым, что представился просто Борисом, без всяких «Петровичей». Незнакомец оказался Жекой, именно Жекой, а не Евгением, как вежливо называл его Борис.

Как-то плавно, без резкого перехода, с неизвестно откуда взявшейся бутылкой шампанского в кармане Жекиного плаща, новые знакомцы начали перемещаться по раскисшим улицам Курганска в направлении уютной славинской квартиры. Если Бориса и покачивало, то самую малость, так что дрейф завершился благополучным прибытием в пустую семейную гавань Славиных. Звякнула связка ключей, щелкнули один за другим замки, а вскоре тренькнули фужеры, выставленные на стол, приглушенно хлопнула пробка и вот уже зашипело пенистое шампанское, предлагая свои скромные градусы в дополнение к тем, которые уже бродили в крови мужчин.

Что-то через полчаса, когда обманчиво-теплый день пошел на убыль, сидевшие перед опустевшей бутылкой приятели вступили в новую, доверительную фазу общения.

– Ты пойми, Женя, – горячился Борис. – Я мужик неглупый, как ты мог заметить. И мне в обществе всеобщей коммерциализации тесно! Помнишь, как вскричал булгаковский Понтий Пилат? Тесно мне, тесно мне! Я – такой же. Интеллект нынче не в почете: купи-продай, вот и вся премудрость. Воротит меня от всего этого... Бр-р-р!.. Извини, шампанское... О чем это я? Ах, да... Я принципиально бизнесом не занимаюсь, хотя голова на плечах имеется, а в ней – вот здесь! – мозги, начиненные высшим экономическим образованием. Торговля, скажем, начинается с чего? – Прежде чем ответить, Борис назидательно воздел указательный палец к потолку: – С мар-ке-тин-га! Другими словами, с профессионального изучения спроса и предложения. Я, между прочим, в конце восьмидесятых опубликовал учебное пособие «Основы маркетинга»... В соавторстве с Бучницким, но это к делу не относится... Это что означает? Это означает, что я специалист в области бизнеса. Теперь возьмем мою благодарную. Дура душой, а маркетинг для нее – тайна за семью печатями. Зато – администратор рынка! И корчит из себя при этом... неизвестно кого! Вот что обидно!

– А ты раздобудь деньги и швырни ей в лицо: на, подавись! – мрачно посоветовал гость. – Докажи свое превосходство.

– Что значит: раздобудь? – раздраженно поморщился Борис. – Деньги зарабатывают, а не раздобывают. И потом, что она, денег не видела? Говорю же: администратор рынка.

– Тогда живи за ее счет и не возникай. Жена тебя кормит, одевает, а ты недоволен.

Что-то враждебное, злое вдруг проглянуло в Жекиных глазах, но Борис, обдумывая его слова, не обратил на это внимания.

– За ее счет? – Он пожевал брошенную фразу и скривился, словно уксусу глотнул. – Да за ее счет особенно не разгуляешься. Пропади она пропадом, такая жизнь. Копит, копит... Рубль на газету и тот приходится клянчить! Не вижу я никаких денег, пойми! Прячет их Ирочка. Сама все покупает, сама все решает... Я ей как-то предложил: давай, говорю, я займусь планированием домашнего бюджета. Подсчитаю, сколько уходит на питание, сколько – на покупки, сколько можно откладывать на черный день... А она мне, знаешь, что ответила? «С какой это стати ты будешь мои деньги считать?» Представляешь? «Мои»! То есть ее личные сбережения – не наши. А квартиру в семьдесят пятом кому дали? Ей? А что оклад у меня тогда был за четыреста рубликов, это как? Нормально? Ты сколько тогда получала? Семьдесят пять?..

Борис так разволновался, что явно перешел на диспут с отсутствующей супругой. Жека смотрел на него с легким презрением и думал: «А чем я лучше? Тем, что моложе? Или тем, что стараюсь не распространяться на эту тему? Но суть-то от этого не меняется. Глядишь, лет через двадцать сам отращу бородку, брюшко, стану на судьбу свою нелегкую жаловаться

всем встречным-поперечным... Неужели? Неужели можно превратиться в такое ничтожество?.. Нет, ни за что! – окончательно решил он для себя. – Никогда. Лучше сдохнуть!»

– ...да? Или на курорты не ездили? – бубнил Борис, не обращая внимания на отсутствующее выражение лица гостя.

– Да хватит тебе! – выкрикнул Жека. – Заладил одно и то же!

Борис очнулся от хмельного транса и недоуменно переспросил:

– Что? Что ты говоришь?

Смягчив тон до нейтрального, Жека постарался дружески улыбнуться, а когда не получилось, просто очень похоже искривил губы и подмигнул:

– Говорю: дохлая это тема. Баба есть баба, ее не переделаешь. А мы с тобой мужики, наша задача проста: наливай да пей. Усугубим? Я спонсирую, ты обеспечиваешь доставку. Разделение труда.

Жекина рука тем временем нашарила в кармане одну из двух последних сотен и, выудив ее, он лихо припечатал к столу.

– Тут минут десять ходу в одну сторону, – нерешительно произнес Борис.

Он явно колебался, неисполнившись пьяной подозрительности. Жека снял ладонь с купюры, открывая ее для лучшего обзора, и откинулся на спинку стула, как бы говоря: лично мне и без добавки хорошо, никуда я не пойду. Последние сомнения хозяина квартиры были пресечены предложением, сделанным веселым тоном:

– А ты меня на ключик! Чтобы никуда не делся.

3

Оставшись один на чужой жилплощади, молодой человек, назвавшийся Жекой, не кинулся рассовывать по карманам столовое серебро и бижутерию, не стал ковыряться в банках с крупой или рыться между стопками постельного белья, даже в разнообразные вазы и вазочки не заглянул. Сам будучи женатым, знал он все эти стандартные бабские нычки, но ничего существенного обнаружить в них не рассчитывал. Деньги – а таковые в зажиточном доме водились – хранились в каком-нибудь другом, более надежном месте. Их прятали не от залетного домушника, а от родного муженька, располагавшего массой свободного времени для обстоятельных, методичных поисков. У Жеки такой возможности не было. Но из драматического повествования собутыльника он усвоил главное: копит его супруга денежки, а от Бориса скрывает. Значит, есть, что прятать. Значит, есть, что искать.

В настоящий момент Жеке было достаточно одного этого приятного факта.

Между прочим, его действительно звали именно так – фальшивыми именами парню пользоваться никогда не доводилось. Воровской клички он тоже не имел. Слова типа «наводка», «стрема», «скок» были знакомы ему только понаслышке. Ничего более существенного, чем пластмассовых солдатиков, Жека до сих пор не похищал. Но то были детские проказы. Теперь, в свои тридцать с небольшим лет, он был готов пересмотреть свое отношение к известной христианской заповеди. Возможно, ко всем заповедям сразу. Он был готов на многое ради денег. Практически на все.

Виной тому была не алчность. Просто бедность оказалась невыносимым испытанием для его болезненного самолюбия. Когда Жека осознал, что по уровню благосостояния его семья и он сам очутились в одной из самых низших каст, превосходя разве что селян да бомжей, он заметался, как человек, угодивший в топкое болото. Занял денег, занялся частным предпринимательством. Ничего путного из этого не вышло. Нищета засосала еще сильнее. А в глазах Ленки, его жены, загорелись неугасаемые огоньки немого упрека. Когда же она наконец открыла рот и высказала все наболевшее, надолго замолчал Жека. Закончилось все так, как и должно было закончиться при их упрямых, взрывоопасных характерах влюбленных Овенов: *утром рано два барана...*

В общем, столкнулись лбами и разлетелись в разные стороны.

Ленка ушла к родителям, забрав дочь. Жека остался в гордом одиночестве. Случившееся он воспринял как вопиющую вселенскую несправедливость. И собирался исправить ее любой ценой. Не знал только, как именно.

Знакомство с подвыпившим мужиком он завел вовсе не потому, что намеревался довести его до невменяемой кондиции и ограбить. Ему нужно было очень много денег – много и сразу, как всем проигравшимся банкротам. Шатаясь по городу и убивая время, он подсознательно ждал редкого шанса, который не собирался упускать. Похоже, таки дождался, раз очутился в одной из квартир, где деньги лежат.

Соображая, как бы получше воспользоваться ситуацией, Жека прохаживался по комнате, озираясь с видом скучающего посетителя музея.

Глаза пробежались по купеческому шику квартиры, оценивая шелкографию на стенах, подвесной потолок, ковровое покрытие, бордовый мебельный гарнитур из натурального дерева. Наконец взгляд остановился на суперплоском экране громадного телевизора – центре обывательского мироздания.

Присев на корточки, Жека взялся перебирать пластмассовые томики славинской видео-теки. Так, «Утомленные солнцем», «Служебный роман», «Основной инстинкт», «Титаник»... Никаких боевиков или ужастиков. Ага, а вот это скорее всего заветная Борина пор-

нушка: на торце кассеты отсутствует полоска с названием – маленькая мужская хитрость для утаивания маленьких мужских слабостей от занудливых супругов. Посмотрим-посмотрим...

Включив видеомаягнитофон, Жека развалился было в велюровом кресле, но тут же резко подался вперед, впившись взглядом в экран «Панасоника». Вот так порнушка! Это был домашний любительский фильм, предназначенный только для семейного просмотра в бездетной семье Славиных. Ибо даже на кассетах с настоящим крутым сексом не часто увидишь такой полет неистощимой фантазии, которой, оказывается, обладал седобородый Борис.

Его постановка нашла очень благодарного зрителя. Жеку заинтриговало не неожиданное проворство этого немолодого, рыхлого на вид пузана. И не сомнительные прелести его супруги, выступавшей в роли секс-бомбы. Жеку увлек сюжет. В его мозгу начала прокручиваться собственная версия увиденного. Некого документального фильма с хэппи-эндом для Жеки и с трагическим концом для сладкой парочки, резвившейся на стуле и вокруг него.

По ходу дела Борис все время помнил о включенной видеокамере и старался не заслонять ее волосатыми ягодицами. Супруга явно тоже знала о ней, судя по тому, как воротила лицо от объектива. Жека хмыкнул и переключил запись на просмотр в ускоренном темпе. Теперь пожилые супруги, проделывавшие на экране непристойные акробатические упражнения, выглядели совсем уж полными идиотами, но комичными, а не отвратительными.

Выключив технику, Жека навсегда запомнил их такими: пара безмозглых сношающихся кроликов, обреченных стать добычей выследившего их хищника. Дрыг-дрыг-дрыг. Пых-пых-пых. Потешные персонажи мультика для взрослых, а не живые люди.

Как можно жалеть таких?

Жека улыбнулся. Таким и застал его воротившийся Борис – неизвестно чем довольного, повеселевшего.

4

– Я тут, – шутливо доложил Жека, когда дверь захлопнулась за вошедшим, – в целости и сохранности, как и ваши фамильные драгоценности, сэр. Но, охраняя их, ваш верный страж едва не умер от скуки и жажды.

– Дело поправимое, – откликнулся запыхавшийся и слегка протрезвевший на свежем воздухе Борис. – Вполне даже приличная водочка в магазине обнаружилась.

Ему было неловко, что, уходя, он действительно запер гостя на замок. Такой приличный молодой человек, остроумный даже. Подумав, Борис с неожиданной щедростью предложил гостю угоститься пельменями, которых и ему одному хватало еле-еле. Тот не отказался, благосклонно кивнул. В результате на столе образовалась вполне приличная закуска, под которую было не грех и «отравиться», как привычно предложил гость. Тут же влили в себя по первой.

– Ты почему плащ не снимаешь? – поинтересовался Борис, перемалывая зубами пельмешек, завернутый в подсоленную дольку лимона. – Спесишь?

– Да нет. Время пока есть. Немного, но есть.

– Завидую тебе, – признался Борис. – Ты сравнительно молод, уверен в своих силах, задорен. Не то что я. Как сказано в притчах: «Веселое сердце делает лицо веселым, а при сердечной скорби дух унывает».

– А у меня, значит, лицо веселое?

– Вполне.

– Так ты о плохом не думай, вот и тоже развеселишься. Лично я веселюсь не потому, что на душе радостно, а потому, что некую высшую механику понял. Некому молиться, Боря. И не перед кем отчитываться. Ни добра нет, ни зла. Зверь свежатинку раздобыл – это хорошо, ему хорошо. А кроликам, которых он сожрал, плохо.

– Какие еще кролики? – возмущенно воскликнул Борис, воспитанный на псевдоистической литературе и любивший порассуждать о космической гармонии. – При чем здесь какие-то кролики?

– Когда-нибудь поймешь, – пообещал Жека. – Позже. А пока давай лучше отравимся.

Несколько озадаченный неожиданным красноречием собеседника, Борис попытался присмотреться к нему получше. И, сфокусировав слегка туманный взор, понял, что подсознательно обеспокоило его: отстраненное, даже отчужденное выражение Жекиного лица. Словно он только прикидывался бесшабашным выпивохой, а сам все время что-то обдумывал, что-то не очень хорошее.

Проглотив водку, Борис нанизал на вилку три пельменя, отправил их в рот и хитро посмотрел на гостя:

– О чем задумался, Женя? Только честно.

– Честно? О деньгах. Мне очень нужны деньги, Боря!

Ну разумеется! Деньги! У тех, кто не располагает ими в достаточном количестве, всегда бродят мрачные мысли в голове. Это Борис отлично усвоил на собственной, так сказать, шкуре. Расслабился, загнал за щеку мешающий комочек теста с мясом и подхватил животрепещущую тему. Его страстная, обличительная речь очень напоминала выступление на бывших демократических митингах. Жека заскучал. Он не переносил ораторскую патетику и презирал стада баранов, устремляющиеся за каждым, кто блеет громче остальных.

– ...э-э... процветает олигархия... э-э... коррупция... в то время, как мы, честные, умные, но совестливые люди, подобно нищим, просим у продажной системы подаяния! – пылко закончил Борис свою невнятную тираду. Переводя дух, проглотил все-таки пельмень, выпил водки, снова закусил, снова наполнил стопку.

«Прожорливый кролик, – подумал Жека. – Глупый, жадный зверек. За окном уже темно, за окном рыскают хищники, а кролик не спит, кролик кушает и попутно обсуждает вопросы государственного устройства».

Сходство с грызуном еще больше усилилось, когда Борис принялся мелко жевать лимонную корочку, скукожив лицо и страдальчески полуприкрыв глаза. Набьет брюхо, побыстренькому оттрахает свою жирную крольчиху и отправится просить у государства подавание, робко протянув лапку в окошечко кассы.

– Ты не нищий, Боря, – медленно произнес Жека с непонятной улыбочкой на губах. – Нищий, по своей сути, свободный человек. А ты – раб! Раб обстоятельств. Страстей. Привычек. Всего, от чего ты зависишь.

– А ты, можно подумать, не зависишь? – запальчиво возразил собеседник.

Жека посмотрел ему прямо в глаза, расширившиеся за линзами очков, и отчеканил:

– Почти нет. Я мало от кого и от чего завишу в последнее время. Скажу тебе больше, как человеку симпатичному и случайному. Я полностью освободился от всяких предрассудков. Если мне попадется старая жирная баба, скажем, базарная торговка, прячущая деньги в чулке, я убью ее и возьму эти деньги. А ты?

В наступившей тишине можно было расслышать, как булькнули две порции водки, почти одновременно отправившиеся в пищеводы обоих мужчин. С кажущимся безразличием Жека лениво гонял пельмень по промасленной тарелке, а сам напряженно ожидал ответной реакции хозяина квартиры. Тот не встал и не указал гостю на дверь, не возмутился, что было уже неплохо. Борис лишь облизывал влажные губы и шумно дышал. Но это, возможно, было вызвано незакушенной водкой, проглоченной одновременно с наживкой. Ключет? Если да, то останется поводить его немного за нос и подсечь.

– Ты на что намекаешь? – почему-то шепотом спросил Борис.

Сколько бессонных ночных часов провел он в постели, обдумывая, как бы половчее изменить свою судьбу! Он не мечтал о сказочном богатстве. Для полного счастья ему требовалось не так уж и много: вкусненькие нарезки, выдержанный коньячок, тугенькие девочки раз в месяц. И книги, книги – сейчас так много интереснейших изданий. Долгими одинокими вечерами он листал бы дорогие фолианты, впитывая в себя мудрость веков, а над ухом не зудел бы раздраженный голос супруги, который временами становился таким невыносимо пронзительным!

В своих грезах Борис никогда не доходил до убийства. Ирина погибала сама. Например, ее сбивала машина. Или лучше трамвай, чтобы наверняка. Он одевался в траур, плакал над могилой, а потом, сантиметр за сантиметром, обшаривал квартиру и находил спрятанные деньги. Честно говоря, при живой супруге его поискам не доставало целеустремленности. Она все равно не позволила бы Борису воспользоваться этими деньгами по его усмотрению. А вот в случае ее отсутствия, в случае *безвременного* исчезновения...

– Так на что ты намекаешь? – повторил он свой зависший в воздухе вопрос. – Что за старая жирная баба?

– Да ты все прекрасно понял. А что? Прогонишь? Или все же допьем водочку?

– Сиди-сиди! – всполошился Борис. – Погоди. Дело в том, что...

В припадке пьяной откровенности Борис признался гостю, что завидует его решимости и сожалеет, что сам не способен на радикальные меры. Ирина – ошибка его молодости. Вздорная баба. Именно старая, именно жирная.

Описывая свое отношение к ней, Борис говорил все более путано, приводя зачем-то перевернутые цитаты из Ницше, выворачивая душу наизнанку, как будто не малознакомый парень перед ним сидел, а Зигмунд Фрейд собственной персоной. Припомнил, кстати, как однажды взял фотографию жены да и выколол ей ножницами глаза, а потом еще пририсовал фломастером клюв вместо носа.

– Клюв? – изумился Жека. – Зачем клюв?

– Сам не знаю, – признался Борис. – Она мне гусыню напоминает. Глупую, самодовольную птицу. Ходит по дому вразвалочку и командует: «Борюсик – туда! Борюсик – сюда!»

– Борюсик? – восхищенно переспросил Жека. – И ты отзываешься? Терпишь?

Чем сильнее задеть человека за живое, тем легче повести его в нужном направлении, заставить лезть в воду там, где нет никакого броду.

– Я терплю ее вот уже двадцать три года! – трагически объявил Борис.

– Ну и дурак. Вместо того, чтобы шаманствовать над фотографией, давно бы избавился от нее, и всех делов!

– Идеальные убийства бывают только в детективах, – горько вздохнул Борис, поставил на стол поднятую рюмку и преувеличенно твердой походкой направился к ожившему телефону.

Наблюдая за ним, Жека прикидывал: не перебрал ли господин психоаналитик, не назюжикался ли сверх меры? Нет, решил он, в самый раз. Воспринимает действительность адекватно, а пьяный кураж помогает ему преодолеть излишнюю щепетильность.

– Понятно, – бубнил Борис в телефонную трубку. – Да я не скучаю... Выпили немного... Эй! Ира! Ира!.. Стерва!.. Чтоб ты сдохла!

И хотя последние слова Борюсик бросил явно в пустоту, было ясно, что гипнотический сеанс по превращению кролика в кровожадного зверька закончился успешно.

5

– Их величество задерживаются! – саркастически доложил Борис, возвращаясь к наполненной рюмке.

Потом он снова завел свою тягомотину про нелегкое житье-бытье, а Жека, пропуская бесполезную информацию мимо ушей, думал.

Было бы крайне глупо попытаться оглушить хозяина и броситься рыться по сусекам. Если не удастся свалить его с первого удара, то потом будет очень трудно совладать со здоровым пьяным мужиком, который способен если не дать решительный отпор, то сопротивляться, ронять на пол различные предметы и истошно голосить.

Не глушить, а подпоить посильнее и предложить поискать тайник вместе? Только на кой хрен Борюсику нужен для этого посторонний? Из христианского желания поделиться с ближним? Смешно. Посторонний требовался этому эрудированному борову только в том случае, если он действительно хотел избавиться от жены – чужими руками. А он хотел, он уже внутренне был готов к этому.

До появления на горизонте Жеки супруги Славины годами упирались лбами, но абсолютного перевеса не имел ни один, ни другой. При этом каждый из них сохранял наиболее удобную для себя позицию. Ирина зарабатывала хорошие деньги, некоторую часть их тратила на Борюсика, а за это получала право попрекать его куском хлеба и жить в свое полное удовольствие, не слишком заботясь о конспирации своих шашней. Борюсик при этом морально страдал, но сытно ел, сладко спал и искать какую-нибудь старшего научного сотрудника не порывался.

Ирина не воспринимала мужа всерьез. Она полагала, что достаточно скрывать от него свои кровные тысячи, а больше никакой другой угрозы Борюсик собой не представляет. Разве догадывалась она, что пропажа одной-двух бумажек из долларовой пачки – не самая большая беда? Борюсик никогда бы не осмелился взять больше, а уличенный, ползал бы на коленях, вымаливая прощение. Но, лишенный возможности пощупать, понюхать и полизать воплощение семейного благополучия, он оказался по другую сторону баррикады. По ту сторону, где униженные и оскорбленные вынашивают планы о справедливом перераспределении собственности. Ирина даже не подозревала, какой опасный враг завелся рядом. Отзывается на забавную кличку Борюсик, выпрашивает вкусненькое, изредка ластится. А теперь вот привел в ее дом подозрительного незнакомца, выбалтывает ему семейные тайны, и язык у него – как помело...

– Я ее ненавижу, – глухо вещал Борюсик, с хрустом перебирая суставы волосатых пальцев. – За лживость ненавижу, за подлость, за скупость. Все лучшее, что было заложено во мне природой, растоптала эта тварь. Это моя трагедия, Женя, не надо улыбаться...

– Ты сам придумал трагедию, – спокойно ответил гость, не до конца сгоняя ухмылку с лица. – Все можно решить одним махом. Стоит лишь еще разок сыграть со своей женушкой в вашу любимую игру под названием «Я-Изнасилую-Тебя-Дорогая». Начало стандартное: стульчик, веревочка... Победитель получает все!

Борюсик поперхнулся водкой, нутжно закашлялся и бросил быстрый взгляд на тумбочку с видеотекой. В считанные секунды его глаза преисполнились страшной догадкой, затем – обличительным гневом, молча выплеснутым на Жеку, который, впрочем, встретил яростный взгляд с самым непринужденным видом:

– Я не нарочно, честное слово. И сразу выключил.

– Зачем? Ты? Взял? Эту? Кассету? – драматически вскричал Борюсик, все сильнее раздуваясь с каждым произнесенным словом. – Как ты посмел?!

Жека зевнул, прежде чем сказать:

– Тебя волнуют деньги или кассета? Получишь и то, и другое, только не мельтеши!.. Да сядь ты, сядь! И послушай меня. Твои причуды – твое личное дело, у каждого свои отклонения. Но это – прекрасный повод затеять финальную игру. С суперпризом... Итак...

По мере того, как Жекины рассуждения выстраивались в логическую цепочку, холодная враждебность в стеклянных глазах Борюсика постепенно таяла, уступая место здоровому человеческому любопытству. Звучал детективный сюжет очень даже убедительно.

Приступ неумной утренней похоти. Шелковый шнур. Перчатки, желательно резиновые. А еще кляп, лучше даже скотч. Мычать и дергаться жертва начнет только потом. Сначала она решит, что партнер просто немножечко заигрался, увлекся.

Рабочий день начинается у Бориса в девять? А если он опоздает на час-полтора, ничего страшного? Ничего. Отлично. Связав супругу, он, вместо того, чтобы заниматься с ней всякими глупостями, собирается и чинно шествует в институт. В спальне перед уходом включается уютное бра – днем его свет с улицы незаметен, а вечером эта деталь пригодится. Ключи от входной двери забываются дома, а сама дверь на замок не захлопывается – Жека сделает это позже. Почему? А потому, что он нанесет покинутой супруге Бориса краткий неофициальный визит. Скажем, минут через сорок после ухода Бориса, когда тот доберется до НИИ и вольется в свой дружный трудовой коллектив. С этого момента он должен постоянно находиться на глазах у сотрудников, даже у писсуара. Потому что в это время развернутся главные события, а позже судебно-медицинская экспертиза легко установит момент наступления смерти гражданки Славиной...

– Смерти! – не произнес, а выдохнул обреченно Борюсик.

– Ты не бледней, это лишнее. Пока что все живы-здоровы. Да и завтра ты останешься в стороне.

Борюсик проглотил сорокаградусную, как воду, откликнулся унылым эхом:

– Завтра...

– Завтра или никогда! – усилил нажим Жека. – Принцип всех победителей. А вариант беспроектный, сам посуди. У тебя будет алиби, самое настоящее, не фальсифицированное. Когда я войду сюда, ты будешь находиться среди своих сотрудников чистенький и невинный, как дитя. В это время я... Ну ладно, ты человек впечатлительный, так что подробности я опускаю... В общем, место преступления будет выглядеть так, словно на квартиру совершили налет. Дело житейское, как говорил Карлсон. Вот пусть менты и ищут грабителей. – Заметив, как морщины на высоком челе Борюсика переплетаются в причудливый знак нежелания объясняться с милицией, Жека твердо добавил: – Ну, без этого никак не обойтись. Допросят, а как же без этого? Но у тебя будет железное алиби? Я, уходя, дверь захлопну. Ты возвращайся вечером, трезвонь, стучи! В окошке-то свет горит! Или жена любовника прячет, или что-то нехорошее с ней приключилось, верно? Она тебе открыть, как ты понимаешь, не сможет. Зови на подмогу соседей, ломайте дверь...

– Соседи зачем?

– Чтобы были. Пусть собственными глазами увидят и запомнят потрясенного горем мужа. Лишние свидетели не помешают. Они же и милицию вызовут – у них это естественнее получится, не находишь? Ты, главное, не дрейфь. Ведь ты действительно не грабил, не убивал. В момент совершения преступления чай с сотрудниками гонял или анекдоты травил. В общем, когда уходил на работу, супруга, цветущая и здоровая, порхала по квартире. А когда вернулся, она, бледная и холодная, сидела на стуле. На все вопросы тверди: нет, не знаю, не имею представления. Побольше надрыва – это у вас, людей творческих профессий, хорошо получается. Изображай убитого несчастьем супруга, слезу подпусти. Как только следователь окажется на расстоянии вытянутой руки, цепляйся за него и пускай сопلي прямо ему на костюм. Ему это быстро надоест, и через пару дней он сам начнет от тебя бегать. Только

не забывай потом раз в неделю выступать с требованиями найти и покарать преступников. Чем сильнее ментов достанешь, тем скорее дело закроют, навесят на кого-нибудь.

Жека слушал свою речь как бы со стороны и дивился тому, как убедительно звучит его голос. Словно он годами только тем и занимался, что инсценировал ограбления. И Борюсик, похоже, твердо уверовал в это после того, как инструкция с новыми подробностями была продиктована по второму разу.

– Допустим, я согласен... допустим, – медленно заговорил он, поднимая на Жеку воспаленные спиртным и нравственными муками глаза. – А деньги?

– Вот это вопрос не мальчика, но мужа! Если только они существуют в природе, то ты их отыщешь. Делить станем фифти-фифти. Разумеется, не в первый же день, когда по квартире будут шастать посторонние. Для них не было никаких сбережений, не было и все тут! Иначе всплывет совершенно ненужный корыстный мотив, из-за которого менты станут землю рыть. Согласен?

Борюсик упрямо наклонил голову, смотрел уже поверх очков, исподлобья.

– А вдруг ты сам полезешь искать? Найдешь деньги и сбежишь с ними! Почему я должен тебе верить?

Жека как можно равнодушнее сказал:

– На то есть две причины. Первая: поскольку ты до сих пор не знаешь, где хранятся капиталы супруги, найти их не так-то просто, а я не собираюсь в квартире с трупом задерживаться надолго. Теперь вторая: если бы я надеялся справиться самостоятельно, я бы так и поступил. Обрати внимание, мы просидели с тобой за одним столом целый вечер, а я не проломил тебе голову бутылкой. И знаешь почему? Потому что у тебя гораздо больше шансов отыскать деньги. Кстати, на сколько тысчонок мы можем рассчитывать, по твоим прикидкам?

Растерянный Борюсик посмотрел на массивную бутылку из-под шампанского, машинально потрогал голову: цела. Убрал пустую емкость со стола, от греха подальше. Неприветливо буркнул:

– Не меньше десяти. Но, наверное, раза в два-три больше.

Жека удовлетворенно кивнул: «годится», и встал, сунув руки в карманы плаща. Борюсик последовал его примеру. Переговоры вступили в завершающую фазу.

– Смотри не ошибись, когда станешь мою долю отсчитывать, – будничным тоном напомнил Жека. – Мне остается лишь полагаться на твою порядочность.

– А я? Ты предлагаешь мне довериться первому встречному...

– Правильно. Риск существует. Ты мог ошибиться, и никаких денег нет. Или лежат они не дома, а на каком-нибудь банковском счету. Где гарантии того, что это не так, Боря? И где гарантии, что ты не вздумаешь меня сдать, чтобы остаться единственным претендентом на кубышку убиенной мной Ирины... Как ее по батюшке?

– Дмитриевна, – буркнул Борюсик.

– ...Ирины Дмитриевны. Так что рискую в основном один я. Но я готов рискнуть. Человек ты умный, понятливый, вряд ли решишься меня подставить. Мы ведь в одной связке, Боря, в одной опасной связке. В Уголовном кодексе это называется преступный сговор, за который сроки набавляют чуть ли не вдвое. Вывод: самое лучшее – обоим держать слово и язык за зубами. Поделили и разбежались. Ну? По рукам? Или выпьем водочки на посошок и попрощаемся навсегда?

– Когда я увижу тебя снова? – вопросом на вопрос откликнулся Борюсик, заметно осунувшийся за минувший час.

– Если завтра утром дверь окажется гостеприимно открытой, то дня через три, когда шум поуляжется. Думаю, ты к этому времени со своей задачей справишься.

Борюсик кивнул:

– Ладно, я согласен. Но учти, если что не так – я неожиданно вспомню, что напросился ко мне в гости любопытный мужчина запоминающейся внешности. И сообщу о своих подозрениях следствию. Никакого преступного сговора не было. Потом не обессудь.

– А ты еще тот жук! – восхитился Жека.

На что Борюсик с достоинством наклонил голову. Хотя, возможно, он просто спрятал от собеседника глаза, прежде чем сказать:

– Тебе пора, Женя. Но удачи я тебе желать не стану.

На том и расстались.

6

Приговоренную к смерти Ирину Дмитриевну не охватила беспричинная тоска, ее грудь не сдавил тяжкий обруч предчувствия беды, внутренний голос не заверещал в панике: «Караул! Убивают!» Более того, женщина, входившая в чужие планы только мертвой, выглядела накануне трагических событий как раз очень оживленной и энергичной.

Бросив телефонную трубку, она тут же постаралась забыть о муже, оставшемся на другом конце провода. И уж совсем забылась она, когда в кабинете возникли сыны гор, мягко, почти бесшумно ступая по полу подошвами своих кожаных мокасин. Все трое носили черные немнущиеся штаны из переливающейся ткани, замшевые тулупчики и золотые коронки на зубах. Натуральные же зубы, если и не были белоснежными, то казались таковыми, проглядывая сквозь заросли проросшей щетины.

Ласкательно-уменьшительное «Ирочка» они по-прежнему произносили как «дырочка» – через букву «ы», и это приятно будоражило. Гомоня, гости обступили стол, на который был выложен пакет с деньгами. Содержимое было молниеносно распотрошено в шесть рук и превращено в три пропорциональные денежные кучи. От сладостной истомы и мелькания пересчитываемых купюр у Ирины Дмитриевны голова пошла кругом. Несколько горячих мужчин и много-много денег! И то был не сон!

Когда наличность опять переключалась в пакет, головокружение у нее прекратилось так резко, словно кто-то остановил веселую карусель, жульническим образом прервав аттракцион на середине. Сыны гор, неся возбужденную тарабарщину на своем наречии, направлялись к двери, явно рассчитывая отделаться от Ирины Дмитриевны цветистыми заверениями в вечной любви и дружбе.

– Эй! – возмутилась она. – С вас причитается!

– Что ты гаварышь, женьчина? Твой ынтерес был в цену заложен, зачем абижаишь?

– А банкет? – обиженно напомнила она.

Троица нетерпеливо загарцевала у выхода:

– В другой раз, слушай, да? Оч-чинь спешим. Ызвини, Ырочка.

– Другого раза не будет! – отчеканила она, оскорбленно воротя лицом. – В другой раз будете сами жрать свои гнилые мандарины. На рынок больше и не суйтесь даже!

С этими словами Ирина Дмитриевна подошла к зарешеченному окошку, кожей ощущая замешательство в рядах джигитов за своей спиной. Как она и надеялась, они капитулировали.

– Ырочка, красавыца, – окликнули ее после трехминутного клекотания залетные орлы. – Адын только астанэтсэ, да? Дэл еще много, мамой клянемся!

Она обернулась и наградила гостей взглядом смиловившейся императрицы. Подталкиваемый братьями, Гурам-Гиви покорно плыл ей в руки, улыбаясь с такой же отчаянной решимостью, как его далекий пращур в тигровой шкуре, собирающийся вступить в рукопашную с барсом.

– Годится, – согласилась Ирина Дмитриевна. – Вы, я вижу, без шампанского заявились, но я баба запасливая. И выпить найдется, и закусить... До свиданья, мальчики. Заглядывайте, если что... А ты присаживайся, Гурамчик, не стесняйся...

– Я Гиви! – гордо поправил он, но приглашением воспользовался и стал наблюдать, как оживившаяся хозяйка мечет на стол консервированные деликатесы.

Спиртное распивали под такие умопомрачительные тосты, что у Ирины Дмитриевны снова закружилась голова, приводя мысли и страсти в подобие бурлящего водоворота. Разомлела она, истаяла прямо-таки до молоденькой Ирочки, благосклонности которой домогается страс-с-стный южный ухажер. Ей мнилось, что темно-ореховые глаза Гиви глядят на

нее с грустным вожделением голодного Кикабидзе. Или Шеварднадзе. Может быть, даже Валерия Меладзе, чье гладкое лицо бериевского потомка она всегда выделяла в общем телехороводе. «Девушка из вы-ы-сшего об-щест-ва...» Ах, ах! Хотелось быть очаровательной, дерзкой, игривой!

– Царица Тамара красивая? – допытывалась Ирочка со все возрастающей хмельной настойчивостью. – Красивее принцессы Дианы?

Гиви напряженно улыбнулся и произнес тост за хозяйку кабинета, самую красивую из всех встречавшихся ему женщин.

– Ты тоже ничего, видный мужчина, – одобрила Ирочка. – И не носатый совсем... Ты черкес или осетин? Или арык... нет, абрек?

В этих немногих известных ей экзотических словах чудилась чарующая музыка гор, и она никак не могла понять, отчего Гиви все морщится, словно от приступа большой или малой нужды. Пришло время расшевелить его немного. Ирочка перебралась поближе к гостю, устроилась рядышком на диване.

– А что мы курим, ну-ка? «Кэмел»? А я думала, что все урюки... абреки курят «Казбек». Скачут, жеребцы такие, в бурках, объезжая свои гаремы... У тебя сколько жен?

– Адна!

Гиви величаво изогнул бровь, напыжился.

– Смотри, обидчивый какой! – умилилась Ирочка. – Джугашвили какой! Вылитый абрек! Скажи: зарэжу – абреки так всегда говорят. Скажи! И пронзи меня кинжалом прямо в сердце!

В театральном порыве она рванула платье, и кнопки послушно разошлись в стороны, приглашая кавалера немедленно заняться поисками Ирочкиного сердечка, бешено колотящегося под одной из обнажившихся грудей.

И... Наступила внезапная тишина. Заливаясь удушливым багрянцем, администратор рынка Ирина Дмитриевна Славина принялась неуклюже натягивать полы платья на вяло провисший бюст, взывающий к состраданию сразу всеми своими прожилками. Она все поняла по расширившимся глазам Гиви. Так не смотрят на полуобнаженных дам. Так смотрят на дохлую лягушку, подложенную на блюдо вместо обещанного десерта.

Праздника для души и тела не получилось, сплошной стыд и срам.

Вот почему Ирина Дмитриевна возвратилась домой не так поздно, как предполагала. Вот почему на следующее утро она очутилась у зеркала, пытаясь взглянуть на себя чужими глазами. Взглянула. И ужаснулась.

Очень скоро, ужасаясь неизмеримо сильнее, она оказалась на проклятом стуле, связанная по рукам и ногам.

7

Она спохватилась, когда могла лишь шевелить пальцами, ерзать по сиденью и мотать головой. Даже упасть на ковер вместе с массивным квадратным стулом не удавалось. Зачем упасть? Но хоть что-то же нужно было предпринять! Это стало совершенно ясно, как только она увидела руки Борюсика и то, что они держали. Моток скотча, трескуче разматываемый пальцами, затянутыми в тонкую резину перчаток для стирки!

– Ты!.. – вот и все, что удалось сказать до того, как на лицо лег первый слой липкой ленты.

Все произошло обыденно, так просто... Через несколько минут Борюсик, избегая встречаться взглядом с ее округлившимися, молящими глазами, уже перемещался из комнаты в комнату, одеваясь, причесываясь, что-то жуя на ходу. Невозмутимо собирался на работу по отработанной за многие годы программе. Его необходимо было остановить.

– Бммм, – жалобно позвала она сквозь скотч. – Нннт!

Ноль внимания. Он просто прошел мимо, насвистывая. В спальне, за ее спиной, раздался щелчок выключателя бра, такой родной и знакомый. Зачем ему понадобился свет? Еще не вечер!

Звякнули в пепельнице ключи – это уже в гостиной, но все равно за ее спиной. Борюсик собирается уйти из дома без ключей?

«Почему мы не завели ребенка? – неожиданно подумала она и тут же сама себе ответила: – Да потому, что он не хотел. При детях он не осмелился бы связать тебя и делать с тобой что угодно!»

Что угодно? Нет, Борюсик не мог задумать что-то страшное! Это шутка! Неумная шутка ревнивого мужа. Сейчас он снимет с ее губ этот дурацкий скотч, развяжет и скажет: «Это тебе наука! Чтобы не шлялась по ночам где попало!» А она упадет ему в ноги и попросит прощения, пообещает, что подобное не повторится никогда-никогда! Он простит, он обязательно простит, и тогда они заживут по-другому. Ведь ближе друг друга у них нет никого на свете! И пускай он рассказывает ей про ягоду-арбуз хоть каждый день, это ее больше не будет выводить из себя. Нужно только объяснить все это Борюсику. Чтобы он дал ей возможность говорить и выслушал.

– Сними скотч! – взмолилась она. Получилось: – Н-мм ккк-тч!

Он остановился перед ней и слушал, наклонив голову набок. Потом его яркие губы, обрамленные серебристой порослью, зашевелились, произнеся убийственно-короткое:

– Перебьешься! Сама виновата, дура!

Что ему нужно? Как до него докричаться?

– Рр-р-рвв... Пжж-ж... – Это означало: – Развяжи, пожалуйста.

Борюсик медленно покачал головой. Он не собирался ее освободить. Вместо этого то ли всхлипнул, то ли коротко хохотнул и опрометью бросился в прихожую, а затем – прочь из квартиры.

Щелчок захлопываемого замка не прозвучал, сколько Ирина Дмитриевна ни прислушивалась.

А вскоре... А вскоре она почувствовала, что в квартиру проник кто-то чужой. Кожей почувствовала. Входная дверь открылась совершенно бесшумно, но впустила легкий сквознячок, настороживший каждый волосок на ее голом теле. Резво-резво побежали по коже мурашки, оповещая организм об опасности: холодно, простудишься!

Она не боялась простудиться, сидя раздетая на сквозняке. Она боялась совсем другого. Шумно задышала носом, замычала, задергалась. Зачем здесь чужой? – лихорадочно соображала она, предугадывая ответ сердцем, но отвергая его рассудком.

Чужой вошел, вкрадчиво шурша полами длинного черного плаща. Он не прятал своего лица, и это было хуже всего. Не потому, что лицо выглядело страшным или уродливым. Нет, его можно было назвать симпатичным, даже красивым. Если бы не застывшее, неподвижное выражение. Не лицо, а маска, скрывающая внутреннюю мерзлоту. В блекло-голубых глазах незнакомого парня плавали и не таяли холодные льдинки.

Он остановился напротив, не произнеся ни слова. Поразительно, но собственная нагота абсолютно ее не смущала. Почему-то парень напомнил ей хирурга из какого-то старого фильма. Черно-белый персонаж. С таким же отрешенным выражением бледного лица он готовился приступить к ответственной операции. Но никакая операция ей не требовалась! Ей нужно было лишь поскорей проснуться!

Только не снилось ей это, несмотря на то что состояние ее было поистине кошмарным. По щекам уже катились самые настоящие слезы, горячие и наверняка соленые, хотя не было никакой возможности попробовать их языком на вкус.

Все в том же гробовом молчании незнакомец взял с тумбочки видеокамеру, включил, вставил в нее кассету, извлеченную из кармана, и направил объектив на Ирину Дмитриевну. Только теперь она машинально попыталась соединить колени, но пути резко напомнили ей об истинном положении вещей. К тому же ее нагота совершенно не интересовала незнакомца. Повод для его визита был явно гораздо более серьезным.

Когда съемка закончилась, он подошел совсем близко. Она сидела, ни жива, ни мертва, парализованная и лишенная способности сопротивляться. Теперь не только пути мешали ей вскочить со стула и не только скотч глушил крик. Это был шок, вызванный предчувствием неизбежного.

Он склонился над ней и внимательно посмотрел в ее глаза – неожиданно кротким, чуть ли не сочувствующим взглядом:

– Страшно?

Она с готовностью кивнула.

– Так и должно быть, – успокоил он. – Мне тоже страшно.

В поле зрения возникла рука, медленно приближающаяся к ее лицу. Средний и указательный пальцы растопырились, целясь ей прямо в глаза. Ирина Дмитриевна сомкнула веки, но пальцы покушались вовсе не на ее зрение.

– Мм-чч-кк! – завывала она, делая безнадёжные попытки высвободить нос из тисков.

Воздух хотелось втянуть так сильно, что в какое-то мгновение она поверила, что способна прорвать скотч, залепивший рот. Это был самообман. Но через тридцать секунд, когда жжение в грудной клетке стало невыносимым, когда Ирина Дмитриевна побагровела от натуги и конвульсивно задергалась, доступ кислорода в ее раздувшиеся ноздри был возобновлен. Дав ей время на то, чтобы немного отдышаться, незнакомец заговорил снова:

– Слушай внимательно. Сейчас я буду спрашивать. Если соглашаешься, кивай головой. Если нет – отрицательно мотай. Но отвечать «нет» лучше не надо. Иначе я снова перекрою кислород, а в этом деле трудно гарантировать, что остановишься вовремя. Пока тебе все понятно?

Энергичный кивок.

– Хорошо. Я перечислю комнаты, а ты дай знать, когда я назову ту, где ты прячешь деньги. О них не горюй. Сейчас это для тебя не самое важное. Так ведь?

Кивок.

– Начали! Гостиная... Спальня... Кладовка... Туалет... Ванная... Кухня... Прихожая...

Не дождавшись условного знака, он снова потянул руку к ее лицу, но она так негодуя замычала, так красноречиво повела глазами куда-то вправо, что он замер и проследил за ее взглядом. Задумался.

– Не понял. Все-таки гостиная?

Голова женщины заметалась из стороны в сторону.

– Тогда что?

– Лл-дд-жж!

– Лоджия?

Два кивка подряд.

– Умница, – похвалил незнакомец. – Теперь я отправлюсь туда и буду перечислять предметы. Правила игры не меняются. Отрицаниями утруждать себя не стоит. Я жду от тебя одного-единственного кивка. Итак...

8

Жеке пришлось перебрать всю рухлядь, хранимую Славиными на застекленной и зарешеченной лоджии. Банки с консервированием, остатки проросшей картошки, ведра, кипы пожелтелых газет, картонные ящики со старой обувью и ее неизгладимым запахом, бутылки, рулоны ковров, мешки с сахаром и мукой, какие-то гвоздастые деревяшки, железяки непонятного назначения. Тайник обнаружился в корпусе допотопной швейной машинки «Белочка». Маленькая белочка на эмблеме держала в передних лапках орешек, очевидно, гордясь своей находкой. Пролистывая пачку долларов, Жека в точности повторил жест белочки, завладевшей добычей.

Он насчитал ровно двести приятно пахнущих, шершавых на ощупь, новехоньких сотенных купюр, перетянутых резинкой крест-накрест. Аккуратно положив внушительный денежный брикет во внутренний карман плаща, он прикрыл за собой дверь лоджии и вернулся в комнату. Жена Борюсика, неудобно вывернув шею, неотрывно следила за ним. Понимала, что настал момент истины. Ждала его решения. Или приговора.

Вчера ночью, выйдя от Борюсика, Жека все спрашивал себя: неужели он и в самом деле готов отнять чужие деньги вместе с чужой жизнью? Раз сто, наверное спросил, но так и не пришел к внутреннему согласию.

Выходило, он просто рисовался. Блефовал. Настроение портилось с каждым шагом по темной улице. Рука теребила в кармане последнюю сотню.

Избегая попадать под фонтаны брызг из-под колес снующих туда-сюда машин, Жека держался от дороги подальше. Очень даже водонепроницаемые туфли старался ставить только на кочки и островки посреди весеннего разлива холодных луж. Но встречные фары слепили глаза, делая ночь еще более непроглядной, и Жека, оступившись несколько раз, перестал разбирать дорогу. Шлепал по лужам, чавкал грязью, хрустел гранулированным снежком.

Дошлепался, дочавкался, дохрустелся!

Огромный серебристый джиписе, одни только наружные прибабасы которого тянули тысячи на две, вынырнул из темной арки, предупредительно мигнув фарами. Жека сначала замер в неустойчивом равновесии на бордюре, но тут же шагнул вперед: «Хрен вам! Подождете! Я тоже спешу!»

Обманутый его секундным колебанием, джип газанул. Он затормозил, едва соприкоснувшись бампером с Жекиным бедром, но этого оказалось достаточно, чтобы Жеку швырнуло сначала на лаковый капот, а затем – в противоположном направлении, на асфальт. Было совсем не больно. Но, растянувшись во весь рост, он почувствовал себя жалким отбросом общества на обочине жизни.

Нависший над ним автомонстр презрительно фыркал, дожидаясь, когда двуногое ничтожество освободит проезд. Жека медленно поднялся на ноги, отряхнул плащ, выпрямился, щурясь от ослепительного сверкания фар. Он не отошел в сторону. Он остался на месте, преграждая путь джипу.

Сидевших внутри рассмотреть на удавалось. Но Жека и без того примерно представлял, как они должны выглядеть. Непременно раскормленные, непременно одетые с иголочки. Имеют разрешение на ношение оружия и золотых цепей. Гладко выбритые, коротко стриженные, благоухающие дорогим одеколоном. Готовые разрешить все вопросы, не говоря уже о том, чтобы мимоходом стукнуть по голове тупорылому пешеходу, не соблюдающему субординацию.

Все четыре дверцы джипа синхронно распахнулись, выпуская наружу соответствующее количество седоков. Трое крупных парняг и мужчина постарше, с чуточку более осмысленным лицом.

- Что столбычишь, убожище? – просипел один из парняг угрожающе. – Жить надоело?
- погоди, – остановил его взмахом руки мужчина, выбравшийся из-за руля и возглавляющий компанию.

Приблизившись к Жеке, он оглянулся, прикидывая, виден ли отсюда номерной знак автомобиля. Убедившись, что да, он обратил взгляд на Жеку и дружелюбно сказал:

- Извиняй, братишка. Не нарочно. Держи деньги и топай дальше.

– А один вопрос можно? – вежливо осведомился Жека, не спеша протягивать руку за подачкой.

- Слушаю.

- Вы бандиты, что ли?

Мужчина вытаращил глаза, а потом вдруг радостно захохотал, жестами обеих рук приглашая спутников повеселиться с ним вместе. От него исходил острый запах коньяка, выпитого не с горя, не от тоски, а просто для лучшего ощущения полноты жизни. Отсмеявшись, он покровительственно хлопнул Жеку по плечу:

– Спасибо, братишка, развеселил. Бандиты, говоришь? Ну, ты даешь! Попал пальцем в небо! Я мент, братишка. Не веришь? Замначальника налоговой полиции. Что уставился? Не похож?

- Не похож, – признался Жека. – Вылитый бандит.

Мужчина нахмурился.

- Много базаришь, умник. Берешь деньги?

Жека бросил взгляд на пухлую пачку отслоняявленных ему сотен и взял. И когда шикарный джип умчал приклатненного полиция-налоговика в неизвестную даль, принялся считать премию и обнаружил, что под сиротливой сотней прячутся жалкие червонцы общим количеством пятнадцать штук. Его кинули! Как всегда, кинули!

– Вот же твари! – сказал Жека почти весело, имея в виду всех тварей скопом, а не какую-то одну конкретную. Твари, они и есть твари – не различишь по рылам.

Разбрызгивая весеннюю кашу, он двинулся в обратном направлении. В мире, где представители закона открыто ведут себя, как бандюги, глупо строить из себя бедного, но честного. Есть деньги – ты человек. Нет – тебя тоже не существует.

На ходу он выгреб из кармана жалкие купюры, смял их в бумажный ком и швырнул под ноги. Все, хватит пресмыкаться! Или завтра утром он займет настоящие деньги, или медленно подойдет от голода. Две крайности. А третьего не дано. Жека не признавал никаких компромиссов.

До утра зябко приплясывал он в такт своим мыслям за трансформаторной будкой в знакомом дворе. Оттер колючим снегом грязь с плаща, докурил три последние сигареты. Его лихорадило не только от покусываний морозца, но и от азартного возбуждения.

Время тянулось невыносимо медленно, особенно после того, как все вокруг окутал непроглядный предрассветный мрак. Когда окна домов начали одно за другим наливать уютным светом, стало еще холоднее, но Жека выстоял, не побежал греться в соседний подъезд, чтобы не настораживать жителей округа. К счастью, ненастное утро не располагало их к пробежкам и дальним прогулкам с собаками. Никто притаившегося Жеку так и не заметил.

Он слишком замерз и устал, чтобы обрадоваться, когда наконец из подъезда выскользнул Борюсик, повертел головой по сторонам, ссутулился и быстрым шагом удалился за угол дома. Никакой обещанной форы во времени Жека ему давать не собирался. Досчитал до ста и поспешил в его квартиру. Дверь оказалась незапертой. Значит...

Значит, плохи твои дела, нелюбимая жена рефлексующего Борюсика, подумал Жека, соболезнующе глядя на связанную пленницу чужих страстей, но вслух этого не произнес. Вопрос, светившийся в ее глазах, был немой. Каков вопрос – таков ответ.

Левую полу плаща приятно оттягивала весома пачка долларов в кармане, та самая, которую жаждет заполучить Борюсик. Вот, наверное, взвоят, когда перероет весь дом вверх дном и ничего не найдет! Впрочем, вряд ли успеет. Не останется у него ни времени на поиски, ни шансов выпутаться.

Жека хотел было пощупать пачку, чтобы еще раз удостовериться в реальности денег, но остановил себя. Со стороны это походило бы на то, что он массирует занывшее сердечко, а он не хотел выглядеть слабым и нерешительным. К тому же сердце действительно билось ровно, не частило, мерно отстукивало мгновения.

Жека бросил взгляд на часы: 10:14. Борюсик, вероятно, находился на подступах к своему институту. Нужно было поспешить с завершающими штрихами.

Так, спортивная сумка. В нее – фотоаппарат, колечки, цепочки, шубейку. Поверх барахла – видеокамеру, это главное. Сумку – в кладовку, небрежно прикрыть грязным бельем. При обыске обязательно найдут. Для милиции рыться в чужом белье – святое дело. «Награбленное», спрятанное в квартире, наведет их на мысль об инсценировке. Это первый сюрприз для Борюсика, решившего и женушку порешить и невинность сохранить.

Второй сюрприз кроется в той же сумке. Кассета, вставленная в видеокамеру, сразу вызовет здоровое следовательское любопытство. Сначала ошеломленные зрители увидят сексуальные сцены, которые вчера заинтриговали Жеку. Пусть полюбуются, как Борюсик, возбужденный как павиан, развратным способом пользуется супругу, изображающую для него жертву насилия, нагишом привязанную к стулу. К *тому самому* стулу и в *той самой* позе, между прочим! Самый интересный сюжетец ожидает милицейскую публику в конце. Жертва, скончавшаяся во всей своей неприглядной красе, возникнет перед сыщиками на экране – еще живая, испуганная, опять же связанная, но с узнаваемой наклейкой на лице. Подвох заключается в том, что несчастную женщину увидят за несколько минут до ее трагической гибели – в правом нижнем углу экрана высветятся белые циферки с датой и точным временем съемки! Те самые десять часов утра, когда муж-извращенец только-только выбрался из дома. Пусть попробует доказать, что в это время он уже спешил на работу! Пусть попробует доказать, что снимал и убивал супругу не он!

Вот и все. Осталось в последний раз навеститься в гостиную, прежде чем уйти отсюда навсегда. Жека постоял немного, соображая, не упустил ли он чего-нибудь из виду? Отпечатки пальцев? Мало ли в квартире отпечатков, главным образом, славинских? Под судом и следствием Жека не находился, в картотеках не фигурирует. Излишнюю настороженность сыщиков могло бы вызвать как раз полное отсутствие отпечатков.

Борюсик, тот орудовал в перчатках. Вот они, лежат на краешке журнального столика. Обычные резиновые перчатки для разнообразных хозяйственных нужд: раковину там отдраить с порошочком, или женушку снарядить на тот свет. Рядышком примостился заурядный моток клейкой ленты и такие же заурядные ножницы. Борюсик оставил этот реквизит на виду по рекомендации Жеки: мол, так будет естественнее – грабители воспользовались тем, что попало под руку. Действительно, это покажется очень естественной, очень натуральной деталью. Особенно после просмотра кассеты. Любой следователь придет к выводу, что все происходило тихо-мирно, по-домашнему, так сказать, в любви и согласии.

Жека с трудом заставил себя посмотреть на обреченную женщину. Не хотелось ему убивать. И самому подпадать под расстрельную статью не хотелось. Оставить ее в покое и уйти с деньгами? Но тетка – не последняя фигура на крупнейшем рынке города. Значит, контактирует с местным рэкетом. А деньги немалые. Вычислят, непременно вычислят – у них особые, более надежные, чем у милиции, методы. Найдут, отнимут чужое плюс все, что у Жеки есть своего. Включая здоровье. И что же, дальше топтать по жизни лохом сохатым? Да ни за что!

Приблизившись к живому изваянию на стуле, Жека тихо предложил:

– Глаза закрой. Не так страшно будет.

Нет, не закрыла. Вытаращила их так, что они лишь чудом не вылезли из орбит. Тогда он поспешно нацепил ей на нос бельевую прищепку, прихваченную в лоджии, а глаза закрыл сам. Он ничего не видел. Но чувствовал, как бьется, трепещет, извивается в пародии на оргазм сильное живое тело, никак не желающее умирать.

Десять секунд... двадцать... сорок...

– *Пф-фф-фф-уу-уу!*

Дух убиенной вырвался наружу. Но какой же он оказался зловонный!

Глава 2

1

В своем вечном оцепенении дожидалась бездыханная Ирина Дмитриевна возвращения мужа, а он все не появлялся, семенил где-то десятой дорогой, оттягивая момент встречи.

Но тем же вечером, часом раньше, часом позже, произошло еще одно событие, на первый взгляд с убийством никак не связанное, однако изящно вписавшееся в предопределенную роком схему.

Еще далеко не старый, хотя изрядно потрепанный жизнью алкаш, добравшийся на автопилоте домой баиньки, не был знаком ни с двумя заговорщиками, ни с их жертвой. Казалось, уж кто-кто, а он тут совершенно ни при чем. Так только казалось.

Он попал в эту грязную историю прямиком из притормозившей у тротуара белой «девятки», мягким кулем вывалился на мокрый асфальт, но тут же собрался в одно вертикальное целое и зашагал к маячащим в двухстах метрах огням девятиэтажки.

– Во дает! – искренне восхитился наблюдавший за ним из машины крепыш с коротко остриженной колобкообразной головой. – Точно по курсу!

– Сейчас упадет, – предположил его сосед за рулем. У него была точно такая же круглая башка, но очень уж здоровенная, чтобы сравнивать ее с озорным колобком. У колобков не бывает таких чугунных физиономий, оловянных глаз и сигарет в желтоватых клыках. И вообще у парня имелось погоняло – Бур. За «колобка» можно было очень запросто схлопотать.

– Навернулся! – радостно подтвердил третий седок «девятки». Всем, кто ему не импонировал, он обычно предлагал что-нибудь полечить: мозги, зубы, печень. В зависимости от пола «пациента» обещал кастрировать или вывернуть матку наизнанку. У него имелось какое-то человеческое имя, но в своих кругах он проходил как Лекарь, и его это вполне устраивало.

– Подмогнем? – неохотно предложил безымянный колобок, ничем не заслуживший написания с прописной буквы. – Хан велел проводить до самой двери. Чтобы без этих... аксессуаров, во!

– Лично мне в падлу, – не согласился Лекарь. – Сам дошкандыбает, чмо болотное.

– Встанет, – поддержал его Бур, азартно перебрасывая сигарету из одного угла рта в другой. – Алконавты, они живучие.

И снова интуиция его не подвела.

– Ты гля, оклемался! – умилился колобок. – Потопал! А я боялся, что его придется из муляки вытаскивать. Корочки-то новые, сегодня в первый раз набул...

– Лучше бы носки новые набул, – проворчал Бур. – Ты их реже меняешь, чем ботинки.

– Вчера только поменял!

– Ага, с левой ноги на правую.

– Лекарь, подтверди!

– Подперди-подперди, Лекарь, раз дружбан просит.

Того долго упрашивать не пришлось. Дурашливо объявил газовую атаку и первым опустил стекло со своей стороны. Ржали в три глотки, перекрывая звуки потешных лекарьских потуг.

Им было весело. Свое ответственное задание «три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой» выполнили с честью.

Позавчера этого же вусмерть пьяного тридцатилетнего доходягу не высадили из «девятки», а, напротив, бережно в нее погрузили. Инструктаж Хана, под которым ходил экипаж, был лаконичным и однозначным. Встретить на улице. Заманить бутылкой и вежливым обхождением. Передать с шестью бутылками водяры на руки Лариске Защеке. Лариску предупредить, чтобы поила «тело» до усирачки, выполняла все его прихоти, а за порог не выпускала. Подкармливать, чтоб не сдох. В очень умеренных дозах клофелин. Через двое суток тело забрать и доставить к месту проживания, но без копейки денег, чтобы оно никуда не рыпнулось.

Лариске поручение понравилось.хлопот с временным постояльцем было всего ничего. А ей, одноногой, списанной по инвалидности проститутке, – и харч, и развлечение. С четким интервалом в четыре с половиной часа постоялец пробуждался, похмелялся и заново знакомился со своим безногим ангелом– хранителем.

– Михаил, – говорил он вежливо. – Очень приятно. Мы где?

Лариска резво ковыляла к нему, подливала водочки, подсовывала яичко или огурчик. Перед тем, как провалиться в новое забытие, гость обязательно отчетливо произносил: «Праздник, который всегда с тобой». Но больше всего потрясло Лариску то, что один раз он ее вполне грамотно поимел. И в ее короткой памяти это был второй или третий случай, когда кому-то вздумалось целовать ее в губы.

Она опечалилась, когда за Мишей пришли, расшевелили его немножко и объявили, что курорт закончился.

– Нечего ждать, незачем жить, некуда больше спешить, – продекламировал он, глядя мутными глазами примерно в направлении парней, но явно не видя их в упор. – Я остаюсь. Принесите гитару.

Лекарь сунулся было к нему с предложениями вставить клизму и прочими оздоровительными процедурами, но Бур отстранил его, взвалил алконавта на могучее плечо и понес к выходу.

– Оставили бы мужчинку еще на одну ночьку, – робко пискнула Лариска, за что схлопотала от Лекаря по редко целованным губам.

Миша не сопротивлялся. Его доставили к дому, но во двор заезжать не стали, побрезговав марать свежeweымытую «девятку» глинистой жижей, расплзшейся с курганов развороченной земли: микрорайон отгородился от внешнего мира окопами и оборонительными рвами.

По этой сильно пересеченной местности и перемещался Миша, не глядя под ноги, ничего не соображая, а лишь подчиняясь заданной инерции, как пуля на излете. В этот момент он вряд ли смог бы вспомнить, как его зовут. Причудливая траектория каким-то чудом уберегала Мишу от расставленных строителями ловушек. Подвернись ему яма, он бы туда сверзился и ночевал скорее всего не дома. Что, впрочем, не так уж сильно и нарушило бы планы Хана.

Выпасть из ханских планов живым редко кому удавалось. Если сравнить этого человека с шахматистом, то играл он всегда черными, но ходил когда вздумается, как вздумается и куда вздумается, сметая мешающие фигуры противника с доски по своему усмотрению. Своих пешек Хан жаловал не больше, чем чужих.

Повинуясь его воле, пьяная до полной невменяемости и неузнаваемости фигура все же пересекла грязное поле, уткнулась в родительскую дверь и потянула руку к звонку...

2

Дзк!.. Дзззк!..

Пипочку звонка Борис Петрович трогал пальцем робко и деликатно, как вечный хорошист, впервые шупающий девочку за самое нежное местечко. Виноватой осанкой он тоже походил на положительного ученика, неожиданно заявившегося домой с двойкой за прилежание.

Борис Петрович даже боялся себе представить, что произойдет, если дверь откроется и встретит его на пороге освободившаяся супруга. *Чем* она его встретит, он примерно догадывался и даже слегка жмурился заранее. Как объяснять свое идиотское поведение? Что говорить в оправдание? В общем, это были пренеприятнейшие мгновения в его жизни.

Дверь, однако, не распахнулась.

Указательный палец Бориса Петровича вернулся в исходную позицию, нерешительно завис над звонком и вдруг ткнулся с отчаянной решимостью.

Дззззк! – Пауза... – Дзззззззк!!!

Что такое?

Вместо того, чтобы позвонить в третий раз, Борис Петрович отдернул руку, как ошпаренную. Ему почудилось, что за дверью кто-то перемещается, осторожно отдирая липнущие к линолеуму босые ступни. Обливаясь холодным потом, он вслушивался до звона в ушах. А когда попытался успокоить себя, убедить в том, что шаги – плод больного воображения, до него донеслось... пение.

Голос Ирины по ту сторону двери стих только после того, как Борис Петрович впился зубами в кулак, оставив на нем розовые полукружья.

Галлюцинация? А что, если Ирина свихнулась от злости, в бешенстве разорвала путы и бродит теперь нагишом по квартире, распевая пугачевские песни? Или, – что еще хуже, – сумела лишь прогрызть скотч и до сих пор сидит на стуле, безумная, разъяренная, мечта о моменте, когда у нее развяжутся руки? Женя мог все наврать по пьяни, забыть. Мог струсить. Мало ли что могло произойти. Или уже произошло?

Борис Петрович на всякий случай снова приналег на дверь. Нет, замок был определенно защелкнут. И пора было что-нибудь предпринять.

Как ни странно, хватило одного решительного напора мясистого славинского плеча, чтобы дверь подалась внутрь, приглашая хозяина растянуться на полу прихожей. Борис Петрович на ногах устоял, но потом не меньше минуты ушло на то, чтобы унять крупную дрожь в руках. Затем он боязливо отгородился от подъезда дверью, включил свет и преувеличенно шумно завожился в прихожей. Бессмысленно уставившись на свое отражение в зеркале, чтобы не видеть происходящее в гостиной, позвал дискантом:

– Ира? Ты дома?

«Дома, дома, – откликнулся в мозгу незнакомый насмешливый голос. – Сидит в темноте, тебя дожидается!»

Опять эта дурацкая дрожь! Бросив прощальный взгляд на свое растерянное отражение, Борис Петрович медленно двинулся навстречу неизвестности.

– Ирочка!

Стул стоял на прежнем месте. В полумраке казалось, что на него взгромоздилась исполинская белая птица. Борис Петрович мог поклясться, что отчетливо различает... клюв. Совсем маленький клювик для такой внушительной фигуры.

Шаря дрожащей рукой по обоям, он очень долго искал выключатель и удивлялся тому, что не падает в обморок. А когда нащупал клавишу, слегка пригнулся, готовясь ринуться наутек, если... Он не знал, что «если», но твердо знал другое: при любом шорохе, при малей-

шем постороннем движении в квартире следует немедленно бежать отсюда, бежать сломя голову. Лишь бы ноги не подвели в самый ответственный момент.

Чтобы заставить себя включить свет, пришлось мысленно сосчитать до трех... потом до пяти... и дальше.

Девять... десять...

Одновременно с щелчком клавиши вспыхнула люстра под потолком, заливая комнату беспощадным светом.

Никакой птицы на стуле не было. Там сидела, порываясь упасть на бок, Ирина. Клюв превратился в обычную бельевую прищепку на ее носу. Эта деталь выглядела кощунственно-карикатурно, но Борис Петрович смотрел уже не на прищепку, а чуть выше: туда, где над поникшей Ирочкиной головой заколыхалось, закрубилося что-то серое, будто призрачная тень промелькнула и сгинула, вспорхнув с безжизненного тела.

– Господи-Иисусе-Христе-Сыне-Божий-помилуй-мя-грешного, – затараторил, размашисто крестясь, набожный в трудные моменты биографии Борис Петрович.

Но наваждение уже исчезло. Теперь мешал сосредоточиться лишь яркий электрический свет, в котором покойница выглядела слишком уж реалистично. И слишком развратно. Борис Петрович пригасил две лампочки. Да, так стало лучше. Еще не совсем хорошо, но лучше. «Совсем хорошо станет, когда отсюда уберут эту толстую тварь», – подумал он.

3

Страдания начались после того, как в славинскую дверь решительно позвонили.

Чужие люди обутыми сновали по квартире, входили и выходили, терзали телефон, шумели, трогали вещи. У Бориса Петровича от этой кутерьмы ужасно разболелась голова. Его попросили сидеть на кухне и не мешать, а сами постоянно ему мешали, бесцеремонно тревожа его по каждому пустяку. Невозможно было сосредоточиться. А в душу Бориса Петровича закралось подозрение, что он больше никогда не увидит ни Жени, ни Ирининых денег. Ситуацию требовалось срочно обдумать, но ему не давали. Стоило лишь уцепиться за хвостик любой малюсенькой мысли, как в кухню вторгнулся карликовый капитан в штатском и сбивал Бориса Петровича с толку очередным глупым вопросом. Ну вот, опять...

Фамилия этого человека, возглавлявшего оперативную следственную группу, была Зимин. Выглядел он бодрым и оживленным, как будто не на место преступления приехал, а на дармовой фуршет. Прежде чем сесть за стол, он сделал странный для мужчины жест, несколько раз огладив ладони обеими ладонями. Эта странность, вкупе с почти детским росточком, плохо вязалась с обликом представителя одной из самых мужественных профессий на земле. Зато лицо капитана, неожиданно крупное, с волевым подбородком, соответствовало.

Борис Петрович неприязненно ожидал, когда наконец Зимин выложит из папки бумагу, ручку, деловито откашляется и произнесет неизменное милицейское: «Итак...» Дождался. Началось скрупулезное фиксирование в протоколе показаний Славина Бориса Петровича, «обнаружившего по месту проживания труп законной супруги Славиной Ирины Дмитриевны, носящий на себе явные признаки насильственной смерти».

– *Но-ся-щей*, через «е», – желчно сказал Борис Петрович, ткнув в написанное пальцем. – Мы имеем дело с женским родом.

– Мы имеем дело с трупом, – отрезал Зимин и отвел славинскую руку в сторону. – Не надо отвлекаться. Я спрашиваю – вы отвечаете. Понятно? Только по существу, пожалуйста... Во сколько вы появились на рабочем месте и кто может это засвидетельствовать?

– Ну... Приблизительно в десять тридцать, даже раньше. Вахтер уволился, так что при входе в НИИ меня никто не видел. Впрочем... Дашевский, да, Дашевский, мэнээс из экономического сектора. Он еще пиво нес и окликнул меня, давай, мол...

Зимин прервал Бориса Петровича:

– При чем здесь пиво? И что такое «мэ-нэ-эс», расшифруйте. Потом имя-отчество Дашевского, попрошу...

Так, с горем пополам, добрались до возвращения Бориса Петровича домой. Массируя кончиками пальцев виски, он заунывно начал:

– Я глазам своим не поверил, когда вошел... Боже, какой кошмар! Окликаю ее, а сам...

Черствый следователь прервал его воспоминания на этом драматическом моменте. Оказалось, что он хочет услышать распорядок сегодняшнего утра Бориса Петровича, начиная с того момента, как он свесил ноги с кровати и заканчивая тем, как вышел из квартиры, забыв ключи.

Шаг за шагом проделали этот путь, кое-где запинаясь, останавливаясь, а то и дважды прохаживаясь по одному и тому же месту. На милицейском языке это называлось: «подробненько, по порядочку».

И хотя повторение пройденного материала обычно идет на пользу, в случае со Славиным это произвело обратный эффект. Он стал путаться, сбиваться, забывать очевидные факты, а вспоминать, наоборот, пустяковые, ничего не значащие детали. Например, что

напор воды в кране был слабым. Или что не удосужился позавтракать. Или как раздражает его вечная вонь на лестничной площадке.

– ...Все, кому не лень, в подъезде мочатся, – бубнил он с таким видом, будто запах доносился и сюда, в квартиру. – Проходу нет от алкашей и хулиганья. А потом после них воняет... Вот вы, как представитель законности, что скажете по этому поводу?

– Аммиак, – пожал плечами Зимин.

– Простите?

– Моча обладает специфическим запахом аммиака. Это еще цветочки. Вам повезло, что не нужно опознавать труп в морге – вот там бы вы нюхнули чего похлеще. Трупы – они мастера пахнуть.

– Но нельзя же так цинично, в самом деле! – обиделся Борис Петрович. – Нужно же хоть немного уважать человеческие чувства! За стеной покойница, а вы...

– Мы отклонились от темы, Борис Петрович, – вежливо напомнил Зимин. – Вы рассказываете. Я слушаю.

4

Зимин поймал себя на мысли, что ему хочется подмигнуть собеседнику. Ему был симпатичен этот вздорный интеллигент с седой бородкой, так бездарно удушивший свою жену. Убийство само по себе давно не вызывало у Зимина ни положительных, ни отрицательных эмоций. Убил и убил – значит, на то имелись причины. Славин был симпатичен ему потому, что наградил его не очередным «дохлым висняком», а, напротив, выгодным следствию быстрораскрываемым преступлением. Эффектное убийство, эффектное дело, о котором приятно отрапортовать начальству. Вот почему Зимин воспринимал убийцу как своеобразного коллегу, соавтора.

Уже при беглом осмотре места преступления ему стало ясно, что женщину прикончил кто-то из близких, свой. Замки и решетки оказались неповрежденными, если не считать последствий небольшого взлома, проведенного хозяином квартиры. Что касается захлопнутой двери, то это можно было сделать как изнутри, так и снаружи.

Ни в квартире, ни на трупе не наблюдалось следов, которые говорили бы о сопротивлении жертвы. А вы попробуйте среди бела дня проникнуть в дом крепкой горластой торгашки, заставьте ее раздеться, усадите на стул и свяжите – да так, чтобы соседи не слышали ни возни, ни криков, ни звуков борьбы!

Нужно было очень постараться, чтобы запугать женщину до полного паралича воли. Какие-нибудь жуткие киллеры в вязаных колпаках с прорезями для сверкающих глаз? Ну да, вломились в квартиру, угрожая автоматами, непонятно зачем устроили дурацкий стриптиз, уколошили хозяйку и бросились сгребать ее барахлишко. Абсурд! Только случайные, неопытные налетчики могли проявить такую неразборчивость в выборе вещей: аппаратура, пара побрякушек, носильные вещи. А сумочку, дамскую сумочку, которая лежала на самом виду – в прихожей на тумбочке, – никто из грабителей не удосужился открыть! Это пришлось сделать Зимину, и он был вознагражден за любопытство, разбогатев на целых две тысячи долларов...

Вспомнив об этом, Зимин не расплылся в улыбке, а нахмурился. *Не было в сумочке никаких денег и нет*, значит это не факт, установленный следствием, а так, миф, о котором можно будет поразмыслить на досуге.

А пока что предстояла работа по раскалыванию орешка, оказавшегося насквозь гнилым. Зимин убедился в этом, когда опера шепотком вызвали его из кухни и похвастались сумкой с «добычей», обнаруженной в кладовке. Подозрительную кассету вставили в зев видеоманитофона и просмотрели, азартно толкая друг друга локтями и прыская в ладони, словно на экране демонстрировались проказы Бенни Хилла или еще более комичного персонажа, очень похожего на самого Генерального прокурора России, называющего себя просто Юрой.

Киносеанс приятно разгорячил Зимина. Позабавила и гражданка Славина, которая при жизни, оказывается, выкидывала ого-го какие фортеля, и гражданин Славин в первую очередь – он, сексуальный выдумщик и доморощенный киллер, обеспечивший следствие уликами, о которых можно только мечтать.

Энергично поводя руками по штанинам, как бы удостоверяясь в их наличии, Зимин возвратился в кухню и устроился на табурете, с любопытством наблюдая за комичными попытками Славина изобразить убитого горем мужа. По-видимому, он полагал, что для этого необходимо прерывисто вздыхать и придавать бровям трагический излом. Картину довершала ладошка, прижатая к груди, плавно переходящей в живот.

– Болит? – осведомился Зимин сочувственным тоном.

– Немного, – признался Славин и тут же мужественно добавил: – Ничего, потерплю.

– А вы соды, соды. Помогает.

– Сода? От сердца?

– Сердце? – удивился Зимин в свою очередь. – Тогда руку приложите повыше, сюда... Вы же за желудок держитесь, Борис Петрович. Я решил, у вас гастрит.

Не выдержал Славин простенький следовательский эксперимент. Не возмутился, промолчал, лишь обиженно засопел в две ноздри. А тестирование только начиналось. Зимин был классным специалистом, знающим все тонкости игры в кошки-мышки. Его внимание уже включилось в автоматический режим анализа речи и поведения подозреваемого. Артикуляция. Мимика. Жесты. И т. д. и т. п. Азбука, без которой невозможен мало-мальски грамотный допрос.

Напустив на лицо многозначительное выражение, Зимин неспешно извлек из кармана красную резиновую перчатку, прихваченную в гостиную, натянул ее на правую руку, задумчиво пошевелил пальцами.

– Размерчик не ваш, Борис Петрович. Мне и то тесноваты.

Славинский взгляд скользнул прочь, через секунду возвратился к перчатке, потом опять переметнулся.

– Разумеется, – выдавил он из себя. – Это не мои перчатки.

– Вы хотите сказать, что они только сегодня появились в вашей квартире? Раньше вы их не видели, так? Смотрите сюда, внимательно смотрите!

Красные пальцы продолжали шевелиться, напоминая щупальца осьминога, подманивающего загипнотизированную рыбку. Стараясь сохранять серьезность, Зимин наблюдал за собеседником. Глазки: морг-морг. Губки: дерг-дерг. Сердечко: скок-поскок. Но еще хорохорится, пытается сопротивляться.

– Ну, смотрю! И узнаю! Это наши перчатки!

– Как же так, Борис Петрович? Неувязочка получается. Вы же только что сказали, что это не ваши перчатки. Я уже и запротоколировал.

– Не мои – в смысле не мои, а Ирины, Ирины Дмитриевны! – почти плаксиво выкрикнул Славин. До истерики ему оставалось всего ничего.

Зимин тонко улыбнулся:

– А не находите ли вы странным, что убийца воспользовался не собственными перчатками, а вашими? Откуда он мог знать, что таковые обнаружатся на месте преступления?

Тут Славин растерял остатки самообладания, вскочил с места, зацепив угол стола, заорал, затопал ногами, размахивая руками и брызгая слюной. Не глядя на него, Зимин невозмутимо черкал что-то в своей протокольной анкете. Пропустил мимо ушей и «произвол», и «грязные инсинуации», и даже сакраментальное «я на вас управу найду». Дождался, пока Славин заткнется, вернется на место, и сказал бесцветным будничным тоном:

– Вредно так волноваться, особенно, в вашем положении. И кричать на меня не советую, я этого не люблю. Давайте лучше вместе сформулируем ваш ответ на мой простой вопрос, отнеситесь к нему со всей серьезностью, хорошенько подумайте, прежде чем отвечать. Вопрос такой: хранились ли в вашем доме деньги, где именно и сколько? Поверьте, это очень важный вопрос. От вашего ответа на него зависит многое. Вы меня понимаете?

– Нет, – поскущел лицом Славин настолько, что даже стеклышки очков утратили свой блеск. – Для меня это далеко не самый важный вопрос сейчас. При чем здесь деньги? Меня гораздо больше интересует, когда будет арестован убийца.

Зимин укоризненно покачал головой:

– Борис Петрович, вы глубоко заблуждаетесь. Лично меня, как следователя, не могут не интересовать ваши денежные сбережения. Их наличие или отсутствие во многом определяют, будет ли убийца вообще найден. Я ясно выражаюсь?

– Вы очень туманно выражаетесь, – возразил Славин. – Не было у нас никакой кубышки. Да и вообще – какое вам до этого дело?

– Большое дело, – бесстрастно сказал Зимин. – Огромное. Знаете, на сколько лет тянет? Зря вы запираетесь, Борис Петрович. Помогли бы следствию, глядишь, все и образуется.

Прозрачнее намека быть не могло, вернее, Зимин не мог себе этого позволить. Пока. Он предложил Славину сделку и с напускным равнодушием ожидал ответа.

И Славин понял, конечно же, понял. Встрепенулся, подался было вперед, как бы собираясь шепнуть Зимину что-то на ухо, но вдруг отшатнулся, и по лицу его скользнула тень мрачной решимости бороться до конца.

– Что значит помочь следствию? – спросил он неприязненно. – Материально, что ли? Вы это имеете в виду?

– Нет, – ответил Зимин, не скрывая неудовольствия. – Я имею в виду, что чье-то внезапное обогащение часто выводит на преступников. Кроме того, необходимо выяснить мотивы убийства. Корыстный умысел или садистические наклонности? Но вы, как я понимаю, ничего не можете сообщить следствию по поводу денежных сбережений своей супруги?

– Совершенно верно, – высокомерно ответствовал Славин, преображаясь на глазах из перетрусившего подонка в благопристойного гражданина.

Подобная поза не понравилась Зимину, хотя он и знал, что спесь со всяких там славинских сбивается быстро и бесповоротно. Протянув руку на прощание, он уверенно завладел потной ладонью Славина и не выпускал ее до завершения заключительного монолога:

– Что ж, до *сви-да-ни-я*. Жду вас утром, к девяти часам. Буду рад, если вы порадуете меня новыми фактами. Сосредоточьтесь, подумайте. Преступник фактически у меня в руках. Так что вы про денежки вспомните, непременно вспомните.

И было не понятно, пожелание в его словах прозвучало или угрожающее обещание.

5

Борису Петровичу Славину предстояло провести на свободе еще некоторое время, по истечении которого опросы перешли в допросы, а снисходительное отношение следователя поменялось на диаметрально противоположное.

Отсрочка была вызвана даже не тем, что Зимин не торопился с возбуждением уголовного дела против Славина по своим особым соображениям, которые не допускали преждевременного вмешательства прокуратуры. В интересах следствия Зимин намеревался завтра же посадить Славина сначала в КПЗ, а при необходимости и в СИЗО. У него, как у каждого уважаемого и уважающего себя следователя, имелись загодя оформленные ордера на арест, в которых оставалось проставить лишь нужную фамилию. За трое суток предварительного заключения можно сломать любого дилетанта, знакомого с процессуальным кодексом только понаслышке. КПЗ показалось мало? Тогда трое суток легко растягиваются в тридцать росчерком следовательской ручки: «Ввиду особой тяжести совершенного преступления мерой пресечения для подозреваемого избрать содержание под стражей в следственном изоляторе». Конец.

Славин был далеко не первым и даже не миллионным посетителем милиции, приглашенным на невинное утреннее собеседование с последующим распитием чая – уже в тюремной камере. По зиминским прикидкам, на выжимание из Славина слез и полной искренности требовалось каких-нибудь двадцать четыре часа, а он был очень работоспособным и умел добиваться намеченных результатов. Удивительнейшие метаморфозы происходили с людьми, попадавшими в его невзрачный кабинетик. Гордецы неожиданно становились заискивающе-предупредительны. Наглые отказчики превращались в милейших граждан, суетливо предлагающих следствию посильную помощь. В том числе и материальную, как верно предположил Славин.

Но пока что Зимину пришлось лишь алчно облизнуться и взять новый след. Утром следующего дня, когда он держал путь в свое РО ГУ МВД, однозначно нацеленный на допрос Славина, его перехватили, задав новое направление.

Сделал это незнакомый большей части человечества, но зато хорошо знакомый Зимину гражданин Бойченко, улыбочиво стоящий у предупредительно распахнутой дверцы «Москвича» редкого жемчужного колера.

– Подвезти?

Это означало, что у Бойченко имеется к следователю конфиденциальный разговор, наверняка от имени их общего знакомого, главаря преступной группировки Валеры Ханурина. В оперативных сводках банда именовалась Золотой Ордой, поскольку Валеру все знали не по фамилии, а по кличке Хан.

Ханский эмиссар Бойченко, изрядно облысевший, легко потеющий крепыш, представлявшийся всем адвокатом, никакой юридической практики не имел. Соответствующего образования он тоже не получил. Это был просто скользкий, паскудный человечешко, в славном прошлом – директор театра оперы и балета, в темном настоящем – «шестерка» при блатных. Прозвище Адвокат он получил за свою характерную роль посредника между правоохранительными и правонарушительными структурами.

Между Зиминим и Адвокатом не наблюдалось ничего похожего на крепкую мужскую дружбу. Не испытывали они и взаимной симпатии. Встречаясь с Адвокатом, Зимин не упускал ни малейшей возможности подчеркнуть свое превосходство над ханским послом – срабатывал древний служебно-розыскной инстинкт, побуждающий показывать зубы по поводу и без.

Вот и теперь Зимин у адвокатского «Москвича» не задержался, руки знакомому не подал, а прошел мимо, бросив на ходу:

– Я утречком люблю пешком прогуляться. Догоняй.

И зашагал дальше, незаметно усмехаясь. Пока Адвокат закроет одну дверцу, пока – другую, пока обогнет машину... Придется ему Зимина вприпрыжку догонять, пыхтя и отдуваясь. Какая уж тут представительность!

Тяжелое несвежее дыхание Адвоката настигло следователя несколько раньше, чем он предполагал. Видать, дело было важное, неотложное. Это и хорошо. Чем настоятельнее проблема, тем больше платят за ее разрешение. Зимин даже слегка замедлил шаги.

Семена все время чуточку позади и сбоку, Адвокат изложил капитанской спине примерно следующее.

Живет на свете такой парень, Миша Давыдов. Годков ему около тридцати, но серьезности никакой – суетный малый, безалаберный, безответственный. Квасит по-черному несколько раз в год, тайком вынося вещички из родительского дома. Ни на одной работе, естественно, долго не задерживается. Неделями пьянствует, шляется где попало, а когда деньги кончаются, приползает, жалкий и несчастный, к папе с мамой и плачется на свою горькую долю, обещая на этот раз завязать. Как ни странно, попал этот презренный алкаш в поле зрения самого Хана, известного своим негативным отношением к пьянству. Хан судьбой Миши обеспокоен и желает направить его на путь истинный, преподав суровый, но необходимый урок. Какой именно? Нет ли у капитана Зимина нераскрытого темного дельца, которое можно было бы шутейно примерить к личности неисправимого оболтуса? Желательно «мокрого», впечатляющего. Неделью назад Миша снова сорвался в штопор, а вчера вечером, обессиленный и поиздержавшийся, возвратился домой – каяться, мыться, отъедаться и отсыпаться. И наблюдается у него обычный в таких случаях провал памяти.

– За эти дни, в таком невменяемом состоянии он мог натворить что угодно, – журчал вкрадчивый адвокатский баритон. – Ограбить, изнасиловать, убить. Надежного алиби у него наверняка не имеется – счастливые часов не наблюдают, суток не считают, собутыльников не запоминают. И если ткнуть Мишу носом в скверно пахнущее дело, хорошенько ткнуть, он, глядишь, и расколется... И тогда... Уф!.. Да погоди ты, Зимин! Мы же не на марафонской дистанции!

– Хан желает на этого Давыдова что-то конкретное навесить? – деловито уточнил Зимин.

– Ничего конкретного... И не навесить, а попугать, только попугать... Допросы, улики, свидетельские показания... Как в той милицейской прибаутке говорится? Под давлением неоспоримых улик преступник был вынужден признать свою вину... Верно излагаю? – жизнерадостно хохотнул Адвокат и тут же понизил голос: – Вот конверт. Здесь только задаток...

Зиминский карман от передачи заметно не потяжелел, но настроение резко улучшил. К отчаянию Адвоката, капитан взбодрился настолько, что походка его изменилась от умеренно-быстрой до стремительной. Именно с такой скоростью специфический милицкий менталитет просчитывал разные подленькие варианты, выбирая беспроблемный.

– А что, есть у меня для вашего алкаша невеста, свеженькая, вчерашняя. Постарше Миши будет, но сосватать их можно. Говоришь, он вчера вечером пьяный домой пришел?

– Готовый, – уточнил Адвокат. – В состоянии полной невменяемости.

– Клофелинчик?

– Он самый.

– Годится. Но это будет просто эпизод, без приобщения к делу. Обычная оперативная разработка. Устраивает?

– Это как раз то, что нужно. Главное, чтобы он чистосердечное признание нарисовал. Тогда и у тебя зад прикрыт, и Хан доволен...

– Дальше что? – резко оборвал Зимин Адвоката. – Быстрее выкладывай. Мы почти пришли.

– Когда Миша расколется, надо пригласить его отца, ознакомить с показаниями и нагнать пурги пострашнее... Чтобы по-настоящему испугался, конкретно.

– А если Миша упрется?

– Не должен, Зимин. Понимаешь, не должен! Мы хотим его отца за жабры взять. Мол, кранты твоему драгоценному сыночку, если станешь выпендриваться... Мир не без добрых людей, но эти люди жаждут ответной любви. Так и намекни Давыдову-старшему.

– Он кто? – коротко спросил Зимин.

– Да какая разница? Твое дело...

Зимин внезапно остановился – трусивший следом Адвокат налетел на него с разбегу. Появился повод брезгливо оттолкнуть его болезненным тычком под ребра.

– Ты чего, капитан? Больно же!

– Кто? – повторил Зимин свой вопрос, сократив его до единственного слога.

Адвокат изобразил на лице кроткую улыбку, которая, впрочем, не прибавила его физиономии святости, и с деланным равнодушием пожал плечами:

– Можно подумать, ты без меня не выяснил бы... Ну, директор завода «Металлург». Как только он у тебя объявится, подготовь его морально и перезвони нам, что и как. Номер помнишь?

Зимин смерил Адвоката долгим взглядом, таким долгим, что тот успел представить, каково это – мочиться кровью, да еще когда ноги не держат.

– Я никогда ничего не забываю, гражданин Бойченко, – сурово отчеканил Зимин после томительной паузы, отвернулся и, не прощаясь, энергично зашагал ко входу в райотдел.

Адвокат тупо потоптался на месте, сплюнул и заспешил к своему перламутровому «Москвичу». Очень хотелось по малой нужде. Дурацкий рефлекс, выработавшийся еще после самой первой встречи с Зиминим.

6

«Первый, я Шестой... хррр... Контакт состоялся... Снимаю на хррр...ужное наблюдение... Следую на базу...»

«Понял тебя, Шестой... хррр...»

Если бы кто-то неискушенный сдуру подключился к этой линии связи, его, бестолкового, ожидало бы сразу два неприятных сюрприза. Во-первых, разговор представился бы ему невразумительным дельфиним щебетанием. Во-вторых, его бы непременно засекли и полюбопытствовали бы мрачно: что за гражданин такой деятельный выискался? Кто таков? Чем дышит? С чем его едят?

Глядишь, и слопали бы – без всякого гарнира.

Ибо линия принадлежала, как и очень многое в этом мире, одной серьезной конторе с грозной аббревиатурой.

Несмотря на полную засекреченность этой конторы, о ее существовании знали все. Одни поминали ее всеу уважительно, используя сплошь одни большие буквы: КОНТОРА. Другие произносили магическое слово без энтузиазма, но заключали в опасливые кавычки. На всякий случай.

«Контора» располагала поредевшим, но все еще обширным и очень профессиональным штатом конторских служащих. В их число входил, например, тот самый боец невидимого фронта, который прохрипел по рации, что контакт Зимина и Адвоката состоялся при его негласном присутствии. В интересах национальной (может быть, и интернациональной) безопасности, не стоит уточнять, как именно звали этого человека. Сам он представлялся иногда так, а иногда этак. Настоящие же его фамилия, имя и даже одно только отчество были засекречены настолько, что только он сам, ближайшие родственники и непосредственное руководство могли с достаточной долей уверенности сказать, как зовут его на самом деле. Очень вероятно, что он действительно носил майорское звание, как говорил своим домочадцам.

С другой стороны, этот загадочный человек свои документы в чужие руки не отдавал, ограничиваясь при необходимости небрежным взмахом удостоверения. Редко кто успевал что-либо прочесть в этой книжечке, прежде чем она вновь исчезала в кармане. А посему мужчина мог быть вовсе никаким и не майором, а так, самозванцем. Это очень полезно помнить людям, которые расценивают действия безымянных майоров, как противозаконные. Как говорится: «Любые совпадения с реально существующими лицами и организациями являются случайными». Мало ли сейчас расплодилось разных контор?

И в каждой второй, наверняка, имеется свой собственный майор.

Почему именно этого майора и таинственную контору, которую он представлял, так заинтересовали заурядные персоны Адвоката и Зимина? Ну, этот интерес простирался значительно дальше – вплоть до неординарной фигуры Хана, манипулировавшего обоими на манер кукловода. Интерес пристальный, недоброжелательный. По этой причине под наблюдением конторы находилась вся ханская «семья», от мала до велика. Каждого члена группировки Золотая Орда, включая главаря, можно было в любой момент выдернуть с криминальной грядки, передать в руки правосудия с кипой изобличающих сопроводительных документов и... в бессильном гневе наблюдать, как эти фрукты вновь процветают под солнцем.

Юридический статус конторы не позволял ей вмешиваться в запутанные взаимоотношения милиционеров и бандитов. Хан не являлся агентом иностранной разведки, не был террористом или фальшивомонетчиком, не призывал к свержению существующей власти

и даже не имел доступа к государственным тайнам. Значит, не представлял собой угрозу национальной безопасности.

И все же в конторе без лишней помпы был создан специальный отдел, собиравший и анализировавший информацию о криминальных структурах. По масштабам он являлся миниатюрной копией любого районного ОБОПа. По статусу – чем-то вроде кружка самостоятельности. Никаких юридических полномочий. Слабенькая материально-техническая база. И очень, очень высококвалифицированные конторские служащие. На вид серенькие такие, неприметные клерки.

Случилось так, что возникновение аналитического отдела совпало с невиданными по размаху бандитскими войнами в Курганске и области. На протяжении всего лета 1991 года местные группировки занимались только тем, что азартно мочили друг друга. Чуть ли не ежедневно убоповцы мотались по городу, собирая и опознавая трупы знакомых уголовников. Они нервничали и терялись в догадках. Самые первые убийства авторитетов, породившие цепную реакцию, мало напоминали кровавый, но неумелый почерк тогдашних спортивных разборщиков. Ни одной осечки. Ни одного промаха. Ни случайных жертв, ни случайных свидетелей. Больше всего это походило на тщательно спланированную военную операцию, готовившуюся не один месяц.

Майор тогда возглавлял при конторе тот самый отдел, куда стекалась вся информация о криминальной междуусобице. Славное было время! Из дюжины авторитетов в городе уцелели только двое, самые осторожные из всех. Итальянец и Хан. Первый, вместо того чтобы включиться в вендетту, попросту драпанул отсиживаться на средиземноморских курортах. Хан угодил на операционный стол, но выжил и тоже не сразу взялся мстить за погибших бригадиров.

Это казалось недолгой отсрочкой. Майор был убежден, что и эти двое должны лежать не на пляже, и даже не в реанимации, а в земле.

Он просчитался. Наверху всполошились, когда общее количество бандитских трупов в Курганской области перевалило за сотню. Кое-кто с весомыми генеральскими звездами на плечах переговорил с кое-кем в штатском, и в область пришло распоряжение не лезть не в свои дела. Аналитический отдел расформировали.

С той поры немало воды утекло, немало крови, пота и слез. Оба выживших авторитета успели обрасти новыми бригадами, подняться на дрожжах награбленных миллионов и расширить поле своей деятельности до полной беспредельности. За рулем каждой двадцатой иномарки, зарегистрированной в области, восседали бандиты или полубандиты. Владельцы прочих иномарок либо платили им дань, либо имели свою долю в бандитском котле. Такая густая криминальная каша не заваривалась еще ни в одной стране.

В столице опомнились на пороге демократических выборов монарха и думских бояр XXI века, когда наметилась перспектива делить с разбойниками не только деньги, но и реальную власть, причем не в свою пользу. Тут-то и всполошились, заволновались. Сообразив, что уголовные областные авторитеты стали разрастаться до величин республиканского значения, их решили рубить под корень, пока не поднялись слишком уж высоко. Всех поголовно.

Вот тогда-то и вспомнился заинтересованным лицам опыт конторы. И в областных филиалах вновь начали создаваться скромные отделы по анализу криминогенной обстановки. В Курганске такую службу возглавил неприметный, если бы не запоминающийся взгляд, майор.

В свое время именно он спрогнозировал грядущее поредение рядов местных авторитетов, и тогда его прогноз оправдался почти на восемьдесят три процента. Оставшиеся в живых шестнадцать – Хан и Итальянец – переродились уже в стопроцентную мафию. Мародерская армия одного и полуполегалная вотчина второго. Расклад пятьдесят на пятьдесят.

Очень взрывоопасная ситуация. Равновесие до сих пор поддерживалось лишь благодаря примерно равному балансу сил.

Странная возня, затеянная вокруг завода «Металлург», означала, что Хан расширяет свои владения. Отлично! История учит: все войны начинаются именно с территориальных претензий. Нарушение границ – умелая провокация – вооруженный конфликт. Майор знал каждое звено этой короткой цепи. Цепи разжигания вражды... Нужно только вовремя замкнуть эту цепь.

7

Так что не случайно, совсем не случайно ханские прихвостни были взяты под усиленное наблюдение. На свою беду, они слишком привыкли к вседозволенности, чтобы остерегаться чужих глаз.

Усиленное наблюдение позволяет узнать о людях массу всякой всячины, о которой не подозревают даже их родные и близкие. Многое такое, о чем сами люди стараются не вспоминать в свободное от грехов время. Такое, о чем лично майор предпочел бы вообще никогда не знать.

Крылатый афоризм «Человек – это звучит гордо» вызывал у него скептическую улыбку. Этот самый человек, взятый под круглосуточный надзор, выглядел кем угодно, только не царем природы и не венцом творения. Нужно еще разобраться, кто именно создал человека по своему образу и подобию.

От полной мизантропии майора спасал черный юмор. Например, он изощрялся в сарказме, присваивая псевдонимы фигурам каждой партии, разыгрывавшейся на его глазах.

Точно так же майор поступил в отношении Адвоката и Зимина.

Гражданин Бойченко, бывший служитель Терпсихоры, ныне канающий под юриста подонок, превратился для службы безопасности в Театрала. Следователь Зимин, типичный перерожденец, как называли чекисты изменников родины в тридцатые годы, стал Оборотнем.

Стандарт? Узость мышления? Нет, майор умудрился соединить в этих кодовых кличках не только внешние признаки двух мужчин, но и их подноготную. Имелась в обоих псевдонимах особая изюминка, даже клубничка с неподражаемым тухлым запахом.

Когда Театрал оставался дома один, наивно полагая, что никто его не видит, он выуживал из тайника за платяным шкафом в супружеской спальне заветный полиэтиленовый кулек на веревочке. Свой допинг. Не банальный нюхательный порошок, нечто пооригинальнее. Из свертка благоговейно извлекались древние театральные святыни: полное балетное обмундирование бывшей примы-любви Театрала плюс крахмальные юбочки-пачечки совсем юных, неименитых маленьких лебедей. Эти реликвии были похищены некогда не с целью наживы. Они удовлетворяли неиссякаемую тягу Театрала к прекрасному. В минуты молчаливого мужского одиночества Театрал свои тряпичные сокровища по возможности расправлял, раскладывал на кровати и нюхал, с особым вождением тыча носом в промежность белых приминных колготок с вытянутыми коленками и грязными ступнями. Волнующий его едкий запах с годами выветрился, сделался призрачным, но богатое воображение позволяло Театралу дорисовывать в мыслях то, что навсегда было утрачено в действительности. Оборотень в своих сексуальных фантазиях был значительно примитивнее, приземленнее. У него дома тоже имелся тайник, в котором тоже хранились предметы дамского туалета. Вся эта ажурно-прозрачная амуниция служила ему реквизитом для маленьких домашних маскарадов. Дико и нелепо смотрелся низкорослый мужчина с волевым лицом, напяливающий на жилистое волосатое тело бюстгальтер, паутинные бикини и чулки на подвязках. К чести Оборотня, он и сам это сознавал, а потому носил поверх дамского белья обычную мужскую одежду, приличествующую должности следователя милиции. Нежные касания тайной сбруи приятно щекотали не только плоть, но и подсознание. Время от времени Оборотень незаметно поглаживал ляжки, желая убедиться в том, что все на своих местах и брюки надежно скрывают от посторонних глаз его вторую оболочку тайного трансвестита.

Жена Театрала давным-давно вычислила сверток за шкафом, но мужа им не попрекала, открыв для себя, что его невинные забавы положительно сказываются на половой потенции.

О тайной страсти Оборотня не ведал никто из его окружения. Он ни разу себя не выдал, не появился, к примеру, при полном параде в спортивный зал, в сауну, на пляж. Как он сказал Театралу на прощание? «Я никогда ничего не забываю!»

Майор усмехнулся. Темпераментный, эмоциональный Театрал и суховатый педант Оборотень. Ничего удивительного в том, что столь разные натуры испытывают друг к другу атавистическую неприязнь.

Ничего удивительного, ничего странного. Совсем ничего. После двадцати лет работы в конторе майор перестал поражаться многообразию отклонений в человеческой психике.

И все же майору бывало порой муторно, так муторно, что, оказавшись в застольной компании, он предпочитал общаться не со взрослыми, а с их маленькими детишками, существами открытыми, невинными и ясными во всех своих проявлениях. По той же причине он души не чаял в четырехлетней внучке Анечке.

Вот и сейчас, следуя в контору, он не удержался от того, чтобы воспользоваться связью в личных целях.

Трубку подняла Анечка:

– Вас слушают. Я Аня.

– Здравствуй.

– Привет, дедушка. А зачем ты прихрюкиваешь? Чтобы смешно было, да?

У нее получилось: «пыхьюкиваешь». И это действительно было смешно. Отсмеявшись, он спросил:

– Как дела? Чем занимаешься? Где мама Лена?

Ответы внучки прозвучали именно в этой последовательности:

– Дела никак. Занимаюсь ничем. Мама на кухне. Даю ей трубку.

Пристукнула положенная на тумбочку «тубюбка». Анечка терпеть не могла разговаривать по телефону. Как и ее мама Лена, единственная майорская дочь.

– Лена? Какие там у вас новости? – поинтересовался он, заслышав далекое «алло».

– Ты хочешь спросить: звонил ли Женька? Нет, папа, не звонил.

– И долго вы так собираетесь?

– Как *так*?

– Порознь...

– Я с Анечкой вам в тягость? Ты прямо говори, не стесняйся.

– Не болтай вздор! – прикрикнул майор. – Просто я хочу, чтобы вы помирились и жили вместе. Хоть у нас дома, хоть у себя – но вместе. Я понимаю, что в последнее время вам было трудно. Но не в деньгах же счастье!

– А в чем счастье? В любви? Так мы друг друга любим... Любим, любим, а жрать нечего. Надеть нечего. Как только Женька эту второстепенную проблему решит, мы станем жить вместе. И будем по-прежнему любить друг друга, но уже сытые, одетые и обутые.

– Мы с твоей мамой...

– Знаю-знаю... Только в ваше время все жили в нищете, потому и не обидно было. Теперь все по-другому.

– По-другому, – печально признал майор.

– Вот и любовь другая!

– Ну ладно, не заводись... Слушай, может, мне ему позвонить? Поинтересуюсь, что и как...

Ленкино «нет» оборвало его на середине фразы. Стараясь загладить невольную резкость, она пояснила:

– Не стоит унижаться. Он тоже мог бы позвонить, поинтересоваться, что и как.

Похоже, в ее голосе зазвенели слезы. Злые, горячие. Майор откашлялся и нерешительно предложил новый вариант:

– Хочешь, я ему какую-нибудь работу у нас подыщу? В мастерской, например. У Жени золотые руки...

– И дурацкий характер! Он не пойдет к вам. Он не умеет служить. Никому. Он все хочет делать и решать сам. Вот пусть и решает!

– Я не знал, что ты такая жестокая.

– Не жестокая, а прагматичная.

– Это одно и то же.

– Ладно, па, некогда мне философствовать. Суп закипает. Я побежала, чао!

«Взрослые дети всегда куда-то спешат, – грустно подумал майор. – Всегда в противоположном от родителей направлении. Много бы он отдал за то, чтобы услышать от дочери: «Я бегу к тебе, па!»

Неужели для этого обязательно оказаться при смерти?

8

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Товарищей всех давно в расход пустили, майор. Остались сплошь господа и граждане.

Сдержанно посмеялись традиционной полковничьей шутке, которой встречали в этом кабинете далеко не всех. Посторонним улыбаться здесь не полагалось да и не хотелось. Их моментально настраивал на серьезный лад немигающий взгляд наемного рыцаря революции, аскетический образ которого возник на стене даже раньше, чем завершилось строительство здания. Мушкетерская борода, семитский нос, раскосые глаза иноземного завоевателя. Сверху фуражечка, маскирующая лысину. Все вместе – фирменный знак конторы. Грозный идол. Длинные руки, холодное сердце, железная голова.

Прямая ковровая дорожка красного цвета привела майора напрямик к письменному столу полковника, огромному, но единственному в помещении. Приставной стол для оперативных совещаний с сотрудниками был здесь неуместен. Сотрудники приглашались поодиночке, реже – парами. Им незачем было знать, чем занимаются коллеги. У каждого были свои задачи и свои методы их решения. И своя голова на плечах, которую хотелось сохранить до лучших времен. Это напрочь отбивало всякое любопытство и дух коллективизма.

– Ты присаживайся, присаживайся, – ободрил замешкавшегося майора полковник. – Дай полюбоваться твоей наглой физиономией... Ты почему вчера не явился соратников в последний путь проводить? Нехорошо, майор. Не по-христиански.

– Сратники они, а не соратники, – отчетливо выговорил майор. – Не понимаю, за что им почести воздавать?... Надеюсь, без залпов обошлось?... В выгребной яме таких надо хоронить, а не на кладбище!

– Ну-ка, ну-ка, интересно! Кардашенко и Мазур погибли при исполнении, так сказать, а ты их в дерьмо!

– Вот именно, что так сказать! На бандитской стрелке их завалили, потому что в разборки они полезли. Они же крышу давали, разве не знаете? Уже треть фирм в городе под нашей крышей работает. Позорище!

– Ты так полагаешь, майор?

– Именно так и никак иначе!

– Совестьливый ты, майор, как я погляжу. И знаешь почему-то больше, чем тебе по должности положено. Но все равно мало знаешь. Кардашенко и Мазура, конечно, никто к лику святых причислять не собирается. Так и нас с тобой – тоже. Рылом не вышли для икон. Но не подонки мы, не ублюдки, это ты зря...

– Я не нас имел в виду, а их!

– А ты не спеши отмежевываться, не спеши. Нет среди нас чужих. Все свои! Понимаешь, майор?

– Простите, нет. Туповат-с.

Съехидничав, напрягся, как человек, приготовившийся встретить выстрел в упор. Лишь это позволило не отшатнуться от яростного полковничьего взгляда, метнувшегося через стол.

– Оно и видно, что туповат! – пророкотал полковник, с видимым усилием подавляя вспышку гнева. – Поручик Ржевский какой выискался! Конторские крыши тебе не нравятся? Коммерческую шелупонь жалко? А ты задумывался хоть раз, на какие шиши мы существуем? Из каких фондов тебе зарплату выдают и твои операции финансируют, задумывался? Нет никаких фондов, майор. Кончились! И никакого бюджета больше нет – это фикция для теледебатов. Сначала коммунаки рыло в казну запустили, прежде чем самолик-

видироваться. Потом националисты с демократами на обеды слетелись. А теперь бандиты у кормушки. Бабки вместе с членами правительства дербанят, так это у них называется! Корефаны, чтоб их!.. Семьями они дружат!..

Случайно попавшая под тяжелую полковничью руку оперативная сводка, всплеснув страницами, перепорхнула через весь кабинет, врезалась в полированную обшивку стены и с робким шорохом сползла на паркет. Обернувшись, майор проследил за ее коротким полетом и пожал плечами:

– Чем Кардашенко с Мазуром лучше? Тоже кореша. Тоже бабки дербанили...

– Так ничего и не понял, – печально констатировал полковник. – И уже не поймешь, я вижу. Но на кладбище все же сходи, не побрезгуй. На цветочки расщедришься, на водочку за упокой души... Хорошие мужики были, грех не помянуть по-православному...

Блуждающий взгляд майора остановился, замер, упершись в одну точку на поверхности стола.

– Такого греха не знаю, – сказал он. – Зато помню другой. Не укради!

– Есть и еще один, – прищурившись, вставил полковник: – Не суди и не судим будешь.

– Разрешите остаться при своем мнении?

– Только до выхода из моего кабинета, – прозвучало сквозь начальственно выпяченные губы.

Светлые глаза майора оторвались от стола и выстрелили навстречу полковничьему взгляду. Если бы хозяин кабинета не знал, что это их природный цвет, он решил бы, что они побелели от ярости. И все равно под прицелом двух немигающих серых зрачков он почувствовал себя неуютно, настолько неуютно, что примирительно сказал:

– Да не зыркай ты на меня! На домашних своих зыркай!.. Как они, кстати? Чем Леночка занимается?

Цвет глаз не изменился, только поблек, словно в их глубине внезапно погасили холодные огоньки.

– Лена варит суп, – доложил майор. – Постоянно варит суп. Поэтому на разговоры со мной у нее не остается времени. Я не знаю, чем она занимается.

– Суп? – развеселился полковник. – А моя коза другую отмазку придумала: английский. Ду ю спик инглиш, батя? Нет? Вот и не мешай!.. Но ты от меня так легко не отделаешься, майор. Хватит мне мозги пудрить! Докладывай.

9

Никакого супа на плите не было, соврала Лена отцу. Просто ей не хотелось, чтобы вновь начала прокручиваться заезженная пластинка сомнений в правильности своего решения. Решила – и точка! Нечего нюни распускать!

Обхватив себя за плечи, она стояла у окна, бездумно обозревая двор, где прошло ее детство. Прошло навсегда. Бесследно.

Всякий раз, оказываясь в родительском доме после ссор с Женькой, она часами стояла так, дожидаясь, когда он явится за ней. Он обязательно являлся. Хмурый, независимый. С таким видом, словно забрел от нечего делать. Но без нее и Анечки не уходил. Так было всегда. Теперь получилось по-другому. И неизвестно было, чем закончится эта затянувшаяся разлука. Если вообще закончится.

Лена почувствовала, что ногти слишком сильно впились в приподнятые плечи, и ослабила хватку. Сама себя обнимай не обнимай – легче не станет.

– А куда ты смотришь?

Голос Анечки заставил ее вздрогнуть.

– Никуда, – призналась Лена.

– А раз никуда, то скучаешь! – авторитетно заявила Анечка. – А раз скучаешь, то давай поиграем в больницу!

Пришлось претерпевать бесчисленные укольчики, высовывать язык, глотать воображаемые лекарства и мерить температуру. Как ни странно, Анечке надоела эта возня еще раньше, чем матери. Плюхнувшись на диван, она поболтала ногами и спросила:

– Мам, тебя ведь Леной зовут?

– Нет, Дульсинеей Тобосской.

Даже не улыбнувшись, Анечка упрямо повторила:

– Леной?

– Вроде бы так.

– А почему папа тебя всегда Ленкой зовет? Дразнится?

– Да нет... Мы так привыкли. Он для меня тоже не Женя, а Женька. Он, когда знакомился, Жекой представился.

– Как вы познакомились? Расскажи!

– «Л-ласскажи», – передразнила Лена. – Тысячу раз уже рассказывала.

– Еще раз расскажи, – настаивала Анечка. – А то забудешь.

Как же! Такое не забывается...

Они познакомились в троллейбусе, по пустому дребезжащему салону которого гулял летний ветерок. За окнами проплывала глубокая ночь с редкими проблесками электрических огоньков. Ленка и Жека возвращались домой – каждый со своего неудачного свидания, как выяснилось позже.

Сидевший через несколько сидений лицом к Ленке парень выглядел то ли пьяным, то ли чокнутым. Он трижды ловил на себе любопытный взор ночной попутчицы и трижды отводил глаза, мгновенно забывая о ее присутствии. На четвертый раз он ответил ей прямым вызывающим взглядом. Не дождавшись смущенной реакции, встал и валко пошел навстречу по колышающемуся в ночи троллейбусу. Остановился рядом. Сказал требовательным тоном:

– Дай руку. Не бойся, не обижу.

Ленка возвращалась со смотрин, устроенных ей родителями парня, считавшегося ее женихом. Он весь вечер улыбался, как идиот, и переводил влюбленный взгляд с Ленки на мать и обратно, не задерживая его надолго ни на одной из женщин. А вот его мать глаз с гостыи не сводила, даже когда раскладывала угощение по тарелкам. Голос у нее был ласко-

вый, певучий. Этим самым голосом, вызвав Ленку якобы помогать мыть посуду, она живописными штрихами нарисовала картину светлого будущего своего сыночка, картину, в которой не было места полунницей студентке медучилища. И если она рассчитывала окрутить мамино сыночка и присосаться к его семье, то уж после этой беседы у кухонной мойки ее коварные замыслы были разрушены. То, что Ленку называли при этом «деткой» и «лапушкой», не скрашивало обиду, а усугубляло ее. Именно с этими ласковыми словами, именно с этой сладкой интонацией обращался к Ленке жених. Он оказался слишком похож на маму, чтобы его можно было по-прежнему воспринимать как мужчину.

Темноволосый парень, потребовавший, чтобы она подала ему руку в пустом троллейбусе, явно не умел сюсюкать и глупо улыбаться от счастья. Неожиданно эта мысль понравилась Ленке, понравилась настолько, что она послушно протянула руку и не отдернула, когда он молча надел на ее безымянный палец тонкое колечко.

– Ты что, спятил? – поинтересовалась она, дерзко щуря глаза.

– Чтобы спятить, надо сначала быть нормальным, – наставительно заметил он.

Троллейбус затормозил на конечной остановке и с неприязненным лязганьем собрал двери в гармошки, предлагая пассажирам выметаться в темноту. Они вышли и очутились в круге мертвенно-голубого света, сконцентрировавшегося возле одинокого фонаря. Отсюда их пути-дорожки расходились в разные стороны, что они и сделали даже не попрощавшись.

Кольцо Ленка не сняла – это сделал за нее кто-то из ватаги местной шпаны, встретившейся на пустыре. Одному из них, бывшему однокласснику, которого звали то ли Витей, то ли Колей, она однажды позволила затащить себя на стопку матов в спортивном зале, и его охватил острый приступ ностальгии. Били не так, чтобы очень, но нехорошие воспоминания о себе оставили. Такие, что с Анечкой ими не поделишься. Для дочери существовала упрощенная версия.

Через несколько дней, когда небольшой синяк на правой Ленкиной скуле побледнел, а разбитая губа почти зажила, она встретила парня из ночного троллейбуса. Кажется, Ленка несла какую-то чушь, а он молча рассматривал ее лицо, после чего так же молча взял ее руку и поднес к глазам. «Что случилось?» – спросил его взгляд. Ленка расплакалась.

Когда Жека добился ответа на свой вопрос, побледневшая кожа обтянула его лицо так туго, что желваки едва наружу не выскочили. Он пригласил Ленку в гости, вечером проводил ее домой, а ночью отправился на поиски ее обидчиков. Навестив его на следующее утро, она сразу догадалась, что поиски оказались результативными. Узнать Жеку можно было с большим трудом. Сплошной синяк с расквашенными губами.

– Больше не ходи туда, – попросила Ленка. – Не надо из-за меня...

– Это не из-за тебя, – прозвучало в ответ. – Кольцо помнишь? Я должен вернуть его на место.

– Зачем?

– Затем! – буркнул он.

Через некоторое время Жека оклемался, встал и опять отправился в одиночную карательную экспедицию. А потом Ленка застала его в состоянии еще худшем, чем прежде. Целыми днями он валялся на диване, навещавшей его Ленке грубил, родителей к себе не подпускал. Походило на то, что злополучное колечко навсегда выброшено из его головы. Ленка так и не поняла, что заставило этого странного парня снова встать на ноги, но он встал. Встал и ушел.

Поздним вечером нетерпеливо дилинькнул звонок в Ленкиной прихожей, она отворила дверь и увидела перед собой Жеку, сияющего улыбкой и свежими кровавыми ссадинами. На его раскрытой ладони лежало знакомое колечко. Если бы он купил новое, Ленка тысячу раз подумала, прежде чем сделать то, что сделала тогда: взяла протянутое кольцо и медленно надела его на палец, глядя Жеке в глаза...

– Мама, – встревожилась Анечка, когда сага подошла к концу. – А где колечко? Раньше ты его никогда не снимала!

– Раньше, раньше... – раздраженно проговорила Лена. – Мало ли что раньше было? Было и сплыло.

– То, что было, никуда не девается, – возразила дочка с рассудительностью четырехлетнего ребенка. – Ты колечко надень. Оно счастливое.

– Я подумаю.

– Не надо думать! Надень! А то опять будешь у окошка стоять и плакать!

– Никто и не думает плакать! – пренебрежительно дернула плечами Лена. – Было бы из-за чего!

Смешная женщина. Глупая. Каждому есть из-за чего плакать. Только некоторые плачут раньше, некоторые – позже, одни проливают слез больше, другие – меньше. Вот и вся разница.

Кто там на очереди? Мишей тебя зовут? Давай, Миша, поплачься, ментам в жилетку. Она у них пуленепробиваемая, слезонепроницаемая...

Глава 3

1

Два вертлявых молоденьких опера, приехавшие по Мишину душу, пробубнили что-то про свидетельские показания и стали торопить его так бойко, что он и сам не заметил, как очутился сначала в разболтанном «жигуленке», а двадцать минут спустя – в коридоре милицейского учреждения перед закрытой дверью, открывать которую ужасно не хотелось, но все же пришлось.

Миша кашлянул, привлекая к себе внимание хозяина кабинета, и сипло осведомился:

– Вызывали?

– Фамилия?

– Давыдов... Я хотел бы...

– Ждать!

Дверь захлопнулась, обрушив на истоптанный до бесцветности линолеум пласт штукатурки. Поняв, что он попал сюда не по ошибке, Миша забеспокоился, задергался. Очень захотелось домой.

– Давыдов! – донеслось из-за двери после получаса томительного ожидания.

Почему-то он протиснулся в кабинет бочком и с непроходящей хрипотцой повторил ненужный вопрос:

– Вызывали?

Ответом был стеклянный взгляд, выражавший ничуть не больше эмоций, чем пуговицы на рубахе сидевшего за столом мужчины. Теперь он не выглядел низкорослым. Маленьким почувствовал себя Миша, неловко переминающийся с ноги на ногу.

– Моя фамилия Зимин, – веско сказал мужчина, когда ему надоело молчать. – Я следователь по твоему делу.

– По ка... – Миша громко сглотнул набежавшую слюну, – ...кому делу?

И снова удручающая пауза. Только шорох, с которым Зимин задумчиво водил ладонями по невидимым Мише штанинам. Наконец руки вынырнули из-под стола и улеглись на него, как два сторожевых пса, охраняющих красную пачку «Мальборо», разместившуюся между ними.

– Садись, Давыдов, – вздохнул Зимин. – Обычно у нас предпочитают *присаживаться*, но тебе придется именно *сесть*.

Не очень-то доверяя своим ушам, Миша робко приблизился и опустился на шаткий стул, возмущенно пискнувший под его весом. Он понимал, что смотрит на следователя откровенно заискивающими глазами, но ничего изменить во взгляде не мог и не хотел. Скорее из надежды вызвать к себе снисхождение, чем из осознанного желания закурить, Миша осторожно нарушил молчание:

– Сигаретку можно?

– Перебьешься! Тут тебе не бар. Может, еще сто грамм поднести на похмель?

Миша удрученно понурился. Он окончательно понял, что ему грозят большие неприятности. Какие именно? Из-за чего? Многодневные спиртные пары гасили мысли на взлете, не давая им выстроиться в цепочку рассуждений.

«Колоть» его было легко и просто, как податливое сосновое поленце. Когда Зимин начал бомбить его короткими отрывистыми вопросами, Миша не сразу смог вспомнить дату рождения и перепутал номер дома с номером квартиры.

– Юлить вздумал?

– Что вы! Оговорился...

– Пьешь часто?

Миша жалко улыбнулся, пытаясь изобразить браваду:

– Не то чтобы часто, но бывает.

– Оно и видно! Запойный?

– Вообще-то нет...

– Врешь! Запойный. Где деньги берешь на водку? Воруешь?

– Как можно! – неуверенно возмутился Миша. – Я в жизни чужой копейки не взял!

– Опять врешь.

Зимин оторвался от протокола, откинулся на спинку стула и завел сплетенные пальцы за затылок, чтобы хорошенько потянуться и энергично поводить корпусом из стороны в сторону. Выглядел он при этом слегка комичным, но добрым дядькой, которому наскучила процедура допроса и он придумывает повод, чтобы выставить посетителя из кабинета. Едва Миша решил, что можно расслабиться и перевести дух, как Зимин подался вперед и выбросил вперед руку с изобличающе торчащим указательным пальцем. Это было не опаснее воображаемого детского «пистолетика», но Миша невольно отшатнулся.

– Ты! – желтоватый палец продолжал целиться в Мишину грудь. – Кончай тут из себя невинную овечку строить! Выкладывай, где был, чем занимался?

– В смысле? – глупо спросил Миша.

– Где шлялся последние три дня? Подробно! Поминутно, желательно даже, посекундно! С адресами и фамилиями!

– А в чем дело? Тут какая-то ошибка...

На последнем слоге Мишин голос сорвался, сбился на сиплый выдох, будто воздушный шарик сдулся.

Зимин улыбнулся, отчего его зрачки слегка съехались к переносице, придавая лицу отнюдь не шуточный вид. Указательный палец втянулся в кулак, неожиданно обрушившийся на стол.

– Ты сам ошибка природы! Память тебе освежить, да? Вот, перед тобой фотографии с места происшествия, показания очевидцев! Ты почитай, почитай! Интересно. А потом пиши. Я вернусь через два часа, и если ты с заданием не справишься, пеняй на себя! Гульки кончились, дорогой товарищ... Ляшенко-о-о!! – рявкнул Зимин так внезапно, что Мишина голова трусливо ушла в плечи. – Ляшенко, мать твою долб! Уснул? Сюда иди!

Крик адресовался стенке, кое-как обтянутой веселенькими обоями, но сердце Миши давно ушло в пятки, оставив в груди ноющую пустоту. Еще страшнее стало, когда в кабинете возник таинственный Ляшенко, некто в штатском, с невыносимо тяжелым взглядом.

– Звал, Зимин?

– Знакомся, – предложил ему следователь, указав подбородком на Мишу, скорчившегося на стуле. – Это Давыдов.

– Тот самый? – неискренне обрадовался Ляшенко. – Вот кому я рога обломаю, так обломаю!

– Погоди, – поморщился следователь. – Надеюсь, он сам даст показания, добровольно. Ты просто посиди с ним, покарауль, пока я смотаюсь по одному адресочку. Позаботься, чтобы он писал и не отвлекался.

С этими словами Зимин удалился, оставив Мишу прислушиваться к поскрипыванию половиц под грузным Ляшенко, остановившимся за его спиной. Не решаясь оглянуться, Миша осторожно придвинул к себе стопку черно-белых глянцевых снимков, которые ему было рекомендовано посмотреть. Придвинул и тут же отпихнул подальше. Женщина, посмотревшая на него с верхней фотографии широко раскрытыми глазами, была мертвой. Маска смерти угадывалась сразу и безошибочно.

– Скромничаешь, сучок?

Железные пальцы обхватили Мишин затылок, встряхнули. Другая рука Ляшенко вернула снимки на место, разложила их веером. Раздутое лицо. Голые груди, свисающие на складчатый живот. Раздвинутые ляжки. Миша ткнулся в них носом раз, второй, третий.

– Любуйся, сучок! – рокотал над ним издевательский голос. – Смотри внимательно! Можешь даже вздрочить!

Бум!.. Бум!.. Бум!..

– Нравится тебе?.. Нравится?.. Нравится?..

Это был лишний вопрос. Конечно же, Мише не нравилось. Правая рука Ляшенко все сильнее сдавливала шею. Левая змеей скользнула ему между ног и безжалостно смяла там все, что удалось сгрести в кулак.

– Ай! – крикнул Миша шепотом, потому что голос куда-то пропал. И снова был провезен носом по жутким фотографиям. Покойница равнодушно следила за его мучениями. Ей довелось испытать кое-что похуже. Вертикальный разрез между ее растопыренными ляжками напоминал злорадную ухмылку.

Когда Ляшенко наконец убрал свои лапищи, Миша хотел было оглянуться на него и слезно попросить пощады, но короткая затрещина вернула его голову в исходное положение, одновременно с не менее веским предупреждением:

– Не вертись, не рыпайся! Сиди и пиши, что тебе велено. Если опять замечтаешься, сучок, я тебя еще не так расшевелю!

За спиной Миши обреченно всхлипнул стул, оседланный Ляшенко. Он сидел совсем рядом – достаточно руку протянуть. Ни на секунду не забывая об этом, Миша шмыгнул носом, схватил со стола ручку и занес ее над чистым листом бумаги. Что писать, он решительно не знал. При чем здесь эти кошмарные снимки? Ах, да, нужно всего-навсего объяснить, что он к мертвой женщине никакого отношения не имеет! Для этого, как подсказал следователь, потребуется восстановить в памяти три последних дня, хотя бы по часам, если не по минутам.

«По существу заданных мне вопросов я могу сообщить следующее. Женщина (зачеркнуто). Мертвая женщина, предъявленная мне (зачеркнуто). Труп неизвестной мне женщины...»

Оказалось, что Миша ничего не может сообщить по поводу заданных ему вопросов. На то имелись две простые причины. Во-первых, никаких конкретных вопросов не прозвучало – было велено писать сочинение на вольную тему, вот и все. Во-вторых, Миша с отчаянием понял, что мозаичные фрагменты воспоминаний никак не желают укладываться в единую связную картину. Какие-то обрывки, видения. Граненый стакан, наполненный водкой. Сковорода с остывшими остатками яичницы. Серая простыня с влажным пятном посередине. Ухмыляющиеся рожи совершенно незнакомых парней. Полураздетая девка, которая почему-то скачет по комнате на одной ноге... Какая уж тут картина! Сплошной сюрреализм...

«Находясь в квартире своей случайной знакомой Людмилы (зачеркнуто). Марины (зачеркнуто). Ларисы, провел там несколько дней...»

А сколько именно дней? И, главное, как их провел? Что за Лариса? Какая нелегкая занесла его к ней? Неужели эта толстуха с фотографий тоже была в их компании?

Мишу затрясло, отчего ручка выписала на бумаге пару нечитаемых кренделей. Его явно подозревали в причастности к зверскому убийству, а он не знал, что говорить в свое оправдание. В памяти зиял сплошной провал, просветов в котором не намечалось.

– Я же предупреждал, не мечтай, а пиши, сучок поганый!

В поле зрения возникла волосатая лапа Ляшенко, но больно не сделала, а с прихлопом разложила на столе какой-то листок, исписанный неразборчивым почерком и снабженный внизу закорючкой подписи.

– Вот, читай! «Я... такая-то такая-то... проходила мимо подъезда... молодой человек с сумкой... бросился бежать... успела опознать бывшего соученика по средней школе номер... вид имел нетрезвый, испуганный... Число, подпись...»

Миша успел отчетливо услышать вступительное «я», а потом до него долетали только обрывки фраз, потому что одновременно с декламацией Ляшенко опять возил Мишиным лицом по столу, пристукивая его лбом при каждом знаке препинания.

Миша не сопротивлялся, уже ощущая если не вину, то полную обреченность.

2

– Вста-ать! Встать, говорю!

Громыхая обломками стула, Миша с трудом поднялся, ойкнул и схватился за правый бок.

– Ты зачем падаешь, сучок? Зачем мебель ломаешь?

– Не бейте, – попросил Миша.

– Что-о? Что ты сказал? Кто тебя бил, гнида ты отвратная? Я? Или ты сам упал?

Тут Миша и в самом деле повалился на пол. Вторично. Опять пришлось подниматься, собирая непослушное тело сустав за суставом.

– Я сам, – прошептал Миша. – Сам упал. Нечаянно.

– А зачем врешь, что я тебя ударил? Врешь зачем, сучок поганый? Да я тебя!..

Ляшенко замахнулся, но ударить не успел – попятившийся Миша зацепился за искалеченный стул и сел на пол сам, со всего маху. С ненавистью глядя на него сверху-вниз, Ляшенко пообещал:

– Вечером я за тебя возьмусь по-настоящему. Ты у меня все подпишешь, как миленький. Будешь новым Чикатилой.

– Не надо, – быстро сказал Миша. – Я все вспомню, честное слово. Отпустите, товарищ милиционер. У меня здесь не получается. Я напишу и приду...

– Отпустить? – Ляшенко даже задохнулся от возмущения. – Тебя? Сдурел, что ли? Тебе отсюда дорога одна – прямиком за решетку! Юра! Юра!!! – заголосил он, бухнув кулаком в стену. – Иди, на клоуна полюбуешься!

Полюбоваться бесплатным цирком явился симпатичный курносый парень в дорогой курточке, черных джинсах и сияющих ботинках с квадратными носами и пряжками. Миша опознал в нем одного из утренних визитеров, коварно заманивших его в эту комнату ужасов, за стенами которой притаилось неизвестно сколько безжалостных мучителей.

Миша на всякий случай попятился, волоча за собой перекосившийся каркас стула, в который угодила нога. Он чувствовал себя зайцем, попавшим в волчий капкан. Или каторжником в колодках.

Но Юра, как ни странно, агрессии не проявил, даже смеяться над жалким пленником не стал. Наоборот, смотрел он на Мишу с плохо скрываемым сочувствием.

Это совсем не походило на грубые манеры Ляшенко, который вытряхнул Мишу из деревянного капкана, цепко ухватил его за ухо и провел по кабинету, демонстрируя коллеге со всех сторон.

– Ты глянь на этого сучка, Юрец! Домой просится. В обмороки падает, как барышня. Писать показания отказывается. Что с ним сотворить, а?

– Отпусти его, Ляшенко, – попросил Юра. – Нормальный парень. С ним по-хорошему можно договориться... Да, Миша?

Кто же не хочет по-хорошему, после того, как все время по-плохому? И по почкам...

Вот Миша и кивнул с благодарной готовностью. Ляшенко разочарованно разжал пальцы и вздохнул:

– Ну попробуй сам, Юрец, раз такой добренький. Я – в столовку. Если он к моему возвращению пластинку не сменит, то песец ему! Знаешь такого зверька, Миша? Есть такой песец – он к тебе подкрался. Гы-ы!..

Миша едва сдержал слезы облегчения, когда этот хам исчез за дверью.

– Кури, – предложил вежливый Юра, как только они остались одни. – Досталось? Я в милиции полгода, а привыкнуть так и не смог. Рапорт написал, увольняюсь через неделю... Тут не умные нужны, а сильные и безмозглые, как Ляшенко...

– За что он меня? – жалобно спросил Миша, пытаясь как-то совместить пляшущую в губах сигарету и дрожащий язычок пламени. – Почки, гад, отбил...

– Нет, – авторитетно сказал Юра. – Он пока аккуратненько. Вот когда ногами месить начнет, будет худо. Ты, главное, яйца прикрывай и зубы стискивай, чтоб не повылетали.

Прикуренная с таким трудом сигарета вывалилась из открытого Мишиного рта:

– Яйца?

– Зубы, – успокоил Юра.

Миша поднял сигарету и сунул ее обратно, заранее стиснув челюсти так сильно, что прогрыз фильтр.

– Значит, бить будет? – обреченно спросил он.

– А как же? Ты же в несознанку пошел?

– Это как?

– Ничего не помню, ничего не знаю, ничего никому не скажу, – довольно музыкально пропел Юра.

– Почему в несознанку? – забеспокоился Миша. – Я действительно не помню!

– Тогда так и пиши: «не помню... пьян был».

– Ну да! Получится, что я и впрямь мог эту женщину... того!..

Юра философски пожал плечами:

– Мог. Ну и что?

– Как это, что? Я же не виноват!

– У нас невиновных не бывает. Да ты скоро сам убедишься. Все равно подпишешь все, что скажут. Поупрямишься немного и подпишешь. Зря только здоровье потеряешь. Оно тебе в камере ой как пригодится...

– В к-камере?

– Ты же сам туда напрашиваешься, Миша. Кто на свободе хочет остаться, тот по-быстрому строчит показания. *Предварительные*, понимаешь? Подписывает подписку о невыезде и баста – иди на все четыре стороны...

Миша вспомнил седобородого, который беспрепятственно покинул следовательский кабинет, и оживился немного:

– Неужели отпустят?

– А как же? – воскликнул Юра, рыскнув взглядом в сторону, но скоренько возвратив его назад. – Как только пишутся показания, дело передается в прокуратуру, а там народ внимательный, обходительный, не то что в нашем отделении. Являешься туда по повестке, пишешь отказ от прежних показаний и гуляешь себе, пока прокурор разбирается. На это месяц уйдет, а то и два. За это время найдут настоящего убийцу, а про тебя и думать забудут. Главное для тебя сейчас – выбраться отсюда целым и невредимым. У нас с тобой церемониться не станут. Зимину важно из тебя показания выбить и поскорее по инстанциям сплавить. Тут ваши интересы и пересекаются, Миша. Он – галочку в отчете, ты – домой. Так что соображай, пока не поздно. Пиши, что велено. Сейчас Зимин или Ляшенко вернутся, а у тебя лист чистый. Схлопочешь...

Юра накаркал. Дверь распахнулась, впуская следователя. Прежде чем направиться к своему столу, он оценил доверительную обстановку в кабинете и нахмурился.

– Секретничаете? А Ляшенко где?.. Обедает? Я ему пообедую, пузатому! На нас труп висит, а он прохлаждается... Написал, Давыдов?

– Он напишет, – вступился Юра, заслоня Мишу спиной. – Ляшенко тут его перевоспитанием занимался, некогда было...

Зимин покосился на обломки стула, распрямил брови, но неодобрительный тон менять не стал:

– Добренький, да? Адвокат какой выискался! Вали отсюда, пока не разозлил меня окончательно! Тут не детский сад, а уголовный розыск!

Незаметно подмигнув Мише на прощание, Юра испарился. Зимин расположился на своем месте и вонзил в Мишины глаза пронизывающий взор.

– Возьми другой стул. Сядь. Рассказывай.

Запинаясь и путаясь, Миша заговорил, с тоской понимая, что исповедь его звучит как полная ахинея, малоубедительная и беспредметная. Слушая его, Зимин брезгливо воротил лицо, малевал какие-то каракули, нетерпеливо ерзал на месте.

– Лариса? – недоверчиво переспросил он в конце Мишиного повествования. – Фамилия? Адрес? Где и при каких обстоятельствах познакомились?

Миша опустил голову.

– Напрасно Юра за тебя заступался, – вздохнул Зимин. – Опять юлишь. Достал ты меня, Давыдов. Заколебал...

– Я...

– Молчать! Слушай сюда! Я расскажу, что будет с тобой дальше, Давыдов, если до тебя до сих пор не дошло. А будет тебе звезда. Полный и окончательный, как победа капитализма в девяноста первом году. И мне тебя не жаль. Ты для меня никто. Отброс общества. Алкаш и подонок. И знаешь, почему я к тебе так плохо отношусь? Потому что ты испытываешь мое терпение. Убил? Попался? Так имей мужество сознаться! Нечего тут хвостом вилять, понимаешь!

– Я не убивал! – возразил Миша с угасающей уверенностью в голосе.

– Откуда ты знаешь? Ты же ни хрена не помнишь, Давыдов! Показания свидетельницы читал? Как ты оказался возле славинской квартиры? Что за сумка была у тебя в руках? Почему побежал? Можешь объяснить?

Голова Миши вяло дернулась из стороны в сторону, как маятник часов, у которых заканчивается завод. Зиминская голова качнулась иначе: сверху-вниз, с законченной убежденностью молотка, загоняющего последний гвоздь в крышку чужого гроба:

– Молчишь? То-то же! Можешь продолжать упрямиться, если такой тупой. Сейчас Ляшенко подзаправится и возьмется за тебя с новыми силами. Отсюда ты отправишься напрямиком в тюрьму. Там сразу станет известно, что ты обвиняешься не только в грабеже и убийстве, но и в совершении изнасилования. Мы позаботимся об этом. В камере с тобой сделают все, что полагается в таких случаях. Все, о чем ты догадываешься и не догадываешься... Твои родители никогда не мечтали о девочке? Если да, то обзаведутся таковой на старости лет!

– Товарищ следователь... Пожалуйста...

– Встань! – заорал Зимин. – Встань с колен, говорю! Молиться в церкви будешь, если повезет!.. Потому что шанс у тебя есть. Малю-юсенький шансик, Давыдов. Хочешь им воспользоваться? Вижу, что хочешь... Ладно. На ночь я определяю тебя не в общую камеру, а в отдельные апартаменты. Что такое КПЗ, знаешь? Камера предварительного заключения...

Расшифровка Мишу воодушевила, подняла с колен. Симпатичный Юра тоже толковал о *предварительных* показаниях, как бы невзправдашних. Показания понарошку, и заключение понарошку. Это обнадеживало и успокаивало. Да и тон Зимина утратил жесткость, стал баюкающим, почти отеческим. Слушать его было все приятнее и приятнее.

– Посидишь в одиночестве, подумаешь о своем поведении, – продолжал Зимин. – Тебе выдадут бумагу, ручку и... – заостряя внимание на главном, следовательский палец распрямился перед глазами Миши: —...бутылку водки ноль-семь! Чтобы думалось лучше. Напишешь на мое имя покаяние. Мол, я, такой-сякой, сознаюсь в том, что мои неосторожные действия повлекли за собой угрозу для жизни гражданки Славиной И.Д., которой я собственноручно перекрыл дыхательные пути, находясь в состоянии алкогольного опьянения...

Похищенные вещи намеревался сбыть с целью получения наживы... В содеянном глубоко раскаиваюсь... Запомнил? Подведу тебя под статью о неумышленном убийстве. За него полагается условное наказание, да и то, если прокуратура захочет с тобой возиться... Утречком мы встретимся снова, прочитаем вместе твой роман, обмозгуем дальнейшие действия...

Миша кивал. Он подозревал, что за любое убийство, даже неумышленное, в прокуратуре по головке не погладят, но помнил Юрины наставления. Лишь бы вырваться из милицеских застенков, а там Мишу только и видели! Родители в обиду не дадут, выгородят. Он пересидит трудные времена у бабули в деревне, пока настоящий убийца не отыщется. Главное – вырваться на свободу. Любой ценой.

– Завтра вы меня отпустите? – уточнил он.

Зимин изобразил на лице неудовольствие:

– Рановато торговаться начинаешь, Давыдов. Сначала определись в своей позиции. Тебя на ночлег куда? В общую или в отдельный полулюкс? Девочек не обещаю, но водка будет, слово офицера. В обмен на твое честное мужское слово, что завтра утром на мой стол ляжет твое чистосердечное признание. Итак?

Итак, как вы думаете, что выбрал Миша Давыдов?

Правильно, водку...

3

До вручения заветного приза Мишу на несколько часов упекли в приемник милицкого отделения. Для этого помещения, отгороженного от остального мира железными прутьями, как нельзя лучше подходило название «обезьянник». Правда, возле вольера не толпились зрители с поощрительными подачками. Сотрудникам отделения беспокойные обитатели клетки давным-давно надоели, а гражданские лица, являющиеся в РОВД как бы на добровольных началах, старались быстро прошмыгнуть мимо, демонстративно воротя носы. Каждый из них наивно полагал, что уж ему-то в «обезьяннике» не место. Однако подобных мест у родины на всех припасено с лихвой. Сказано же: от тюрьмы да сумы не зарекайся.

Ввиду отсутствия аудитории каждый из обитателей зарешеченной сцены являлся одновременно и зрителем, и исполнителем. Лично Миша, правда, предпочитал оставаться незамеченным. Ему не хотелось общаться ни с провонявшим мочой бомжем, ни с буйным детской в берете десантника, ни с двумя матюкливыми девочками тинейджерского возраста, закутанными, не к месту и не по сезону, в простыни, на одной из которых удалось разглядеть клеймо гостиницы «Турист».

Миша даже немного завидовал всеобщему равнодушному спокойствию. Он с трудом сдерживал нарастающую панику. Ему казалось, что о его существовании забыли, а напоминать о себе сержантам с дубинками было еще страшнее, чем ждать.

Сидеть на одном месте не удавалось. Все сильнее тянуло сырым холодом из разбитого окошка, и озноб накладывался на другую дрожь – нервную. Миша встал и пошел: десять шагов в одну сторону, столько же в другую. Когда он перешагнул через ноги бесчувственного десантника в девятьсот восемьдесят первый раз, за его спиной заскрежетал замок.

Сержанты ждали у порога, выразительно поигрывая дубинками.

– На выход, Давыдов.

– Зачем?

– Расстреливать поведем, – хохотнул мент. – Перебирай ножками.

В дежурке Мишу освободили от всего мелкого имущества, принудив снять ремень и даже шнурки. Проанкетировали. Повели дальше. Когда перед Мишей тяжело распахнулась массивная металлическая дверь камеры, он едва не потерял сознание от густого смрада, ударившего в нос.

– Пообвыкнешься, – пообещал конвоир. – Через полчаса будешь дышать полной грудью и радоваться теплу. В обезьяннике за ночь околеть можно... Вот бумага, ручка. А это водяра. Про закуску никаких инструкций не было.

Миша нетерпеливо махнул рукой, другой подхватил передачу и, жмуря заслезившиеся от вони глаза, шагнул в каменный застенок, оштукатуренный неизвестными садистами так, чтобы гости долго помнили, как соприкоснулись с мрачной реальностью подневольной жизни. Вся мебель – тусклая лампочка под потолком да что-то вроде эшафотика, на котором полагалось ждать и гадать, что с тобой сотворят дальше. Дизайн – настенная живопись, поэзия и проза.

Первый глоток пошел туго, застопорился в горле, заставив сплевывать тягучую слюну. По накатанной дорожке водка заскользила легко. Отсутствие закуски и стакана Мишу не смущало, так как это позволяло растянуть мокрый паек до утра. Еще меньше волновало Мишу отсутствие собутыльников.

– Одиночка... в одиночку... в одиночке, – скаламбурил он, одобрительно кивнул своей формулировке и, воспользовавшись ею в качестве тоста, булькнул запрокинутой бутылкой.

Вонь в камере действительно перестала ощущаться. Страх тоже как не бывало. Миша забыл о том, где и почему оказался, всецело поглощенный увлекательным занятием. Абзац – глоток – пауза, и опять все сначала.

Чистосердечное признание? Пусть Зимин им подавится! Но сперва подотрет им свою милицейскую задницу! Всегда можно отказаться от показаний, вытянутых угрозами и пытками. Миша не кретин, а у его отца достаточно связей, чтобы не допустить милицкого произвола.

По мере того, как бутылка пустела, Мишины предложения становились все более сложноподчиненными, путаными. Но переделывать ничего не хотелось. Сойдет и так. Все равно это...

– Филькина грамота, – отчетливо произнес Миша, наслаждаясь своим уверенным тоном.

Поставив последнюю точку, он отметил это дело особенно щедрой дозой и обнаружил, что находится в камере уже не один.

– Меня зовут Скрхндж, – представился тот, кого Миша увидел прямо перед собой.

Имя представлялось смутно знакомым, только не удавалось сообразить, где и когда Миша мог слышать его раньше.

– Как-как?

– Скрхндж, – повторил появившийся.

И вновь слово обожгло полузабытой знакомостью. Причем произносилось оно не совсем так, как звучало, а чуточку иначе. Существовала какая-то досадная помеха, мешавшая Мише воспроизвести имя правильно.

– Скр... Скрн...

– Нет! – негодуяюще взвизгнуло в его ушах. – Не смей произносить *это* вслух! Даже мысленно не смей!

Обличье визитера ежесекундно менялось, то приближаясь, то удаляясь, плясало перед глазами.

– Ты... Не надо, – тихо попросил Миша, отстраняясь. – Я устал от тебя. Ты слишком... разный.

– А я так играю с тобой. Ты тоже со мной играй. Хочешь, я стану твоей белочкой?

Миша потянулся было ее погладить, но она обернулась крысой, пасть которой не закрывалась из-за огромных желтых клыков. Укусить она не могла, зато все сильнее вдавливалась в Мишино лицо свои теплые зубы, напоминающие на ощупь пластмассу. Он притворился, что спит, чтобы тварь оставила его в покое, но она не поверила и настойчиво проба-сила:

– Э, проснись, писатель!

Пришлось открывать глаза. Над Мишей склонился вчерашний сержант, тыча ему в скулу свою дубинку.

– В темпе вставай, в темпе!

– Уже домой?

– В обезьяннике твой дом. Мемуары оставь, я передам, кому следует... Да не дыши ты на меня перегаром, бя! С ног прямо валит! – бубнил милиционер, волоча Мишу по знакомому коридорчику.

Тот покорно переставлял ноги. Лицо у него было жалобным, словно он никак не мог вспомнить что-то очень важное для себя.

4

Утром мытарства Миши Давыдова подошли к концу. Востребованный Зиминым, он был встречен приветливо, удостоен рукопожатия и даже сигаретки. За неровный стиль сочинения, оказавшегося полной белибердой, следователь Мишу наказывать не стал, ограничился мягким внушением. Покачал головой и сказал:

– Не годится твоя беллетристика. Будем корректировать. Я подскажу, как надо. Но пиши без помарок, набело.

Шариковая ручка забегала по бумаге, подчиняясь полету милицейской фантазии. Когда словесных цепочек набралось достаточно, чтобы ими можно было связать подследственного по рукам и ногам, Зимин распорядился:

– Поставь автограф на каждой странице, пронумеруй. Внизу добавь, что писал собственноручно, опять распишись... Поставь дату... Все.

– Все? – оживился Миша. – Значит, я могу...

– Пока что ты ничего не можешь, зато очень много должен, – остановил его Зимин. – Тебя сейчас обратно отведут, но, думаю, ненадолго.

На гупанье следовательского кулака в стену явился сердобольный опер Юра, ободряюще хлопнул Мишу по плечу и направил его в коридор. Там, у двери кабинета стоял... Мишин отец. Прямой, высокий, седой. Надменный и одновременно растерянный. Никогда в жизни Миша не видел столько боли в его взгляде. И никогда прежде отец не казался ему таким старым.

– Это правда? – спросил он, не поздоровавшись.

– Папа, я ниче...

Опер прицельным тычком оборвал Мишу на полуслове:

– Не разговаривать! Вперед!

Через несколько минут Миша очутился в том самом обезьяннике, откуда произошел вчера. Было самое начало рабочего дня, поэтому на этот раз обошлось без беспокойных соседей. Хочешь – спать ложись, а хочешь – песни пой. Но страдавший Миша даже места себе не сыскал определенного, без конца пересаживался, бродил по обезьяннику, заглядывал сквозь решетку.

Отец забрал его вечером и повез домой в служебной «Волге». Он ничего не спрашивал, ничего не говорил. Придав голове виноватый наклон кающегося грешника, Миша тоже молчал.

Дома, выслушав материнские рыдания, он повздыхал-повздыхал и поплелся в свою комнату, где сразу завалился спать. Кошмар, едва не поглотивший его за минувшие полтора суток, отступил, затаился на время.

Но Мишин отец не поддался убаюкивающему спокойствию ночи. Держа под языком сладковатый комочек нитроглицерина, он прислушивался к биению своего сердца. Оно тревожно ныло в груди и не могло поведать обладателю ничего утешительного. Влип, влип, влип – вещало сердце.

Он понял это сразу, когда прочел показания сына и услышал туманные намеки следователя на влиятельных лиц, готовых исправить ситуацию. В читанном давным-давно романе «Крестный отец» это называлось «предложением, от которого невозможно отказаться».

– Где и когда я могу встретиться с этими людьми? – спросил Давыдов, не тратя время на пустопорожнюю болтовню.

– А вы прогуляйтесь в скверике напротив отделения, – посоветовал следователь, глядя куда-то выше головы собеседника. – Подышите воздухом, успокойтесь. Часика через три

возвращайтесь, и мы продолжим беседу. Все может оказаться не так плохо, как кажется... – сделав многозначительную паузу, он добавил: – И наоборот.

Одновременно с последними словами следовательские глаза переместились на корпус телефона, который он погладил ладонью, как прикорнувшего на столе зверька.

В скверике директора завода «Металлург» отыскал рано облысевший мужчина, представившийся юристом. От него отчетливо тянуло прокисшим хотоговским майонезом и чуточку пивком. Был он весел, хотя старался сохранять на лице обеспокоенное выражение.

– Как Миша? – частил он, суетливо вертя головой по сторонам. – Молодцом держится? Его уже на довольствие поставили или голодом морят, как это у них принято?

– Да бросьте! – поморщился Давыдов. – Говорите дело. Я вас внимательно слушаю.

Юрист усмехнулся и заговорил. Он брался не оставить камня на камне от обвинений в Мишин адрес и гарантировал, что сегодня же парень может оказаться на свободе. Большой человек готов похлопотать за беднягу. Такой большой и авторитетный, что...

– Что вам от меня нужно? – деревянным тоном спросил Давыдов. – Деньги? Назовите сумму.

Юрист оказался бессребреником. Деньги его не интересовали. Он просто волновался за Мишу, а заодно предлагал его отцу выгодную сделку. Совместную деятельность с каким-то ограниченным, но весьма ответственным обществом с бодрым названием «Надежда». В папке случайно обнаружился проект договора. Его условия были откровенно разорительными для завода, но, как догадался Давыдов, спасительными для сына.

– Давайте ручку, я подпишу, – сказал он.

– Зачем же такая спешка? Пока достаточно вашего принципиального согласия. С договором подъедет директор «Надежды», а я лицо частное, юридическими полномочиями не наделенное. Главное, чтобы вы не передумали. Милиционеры – народ непредсказуемый. Сегодня выпустили, завтра назад забрали... Вы меня понимаете?

– Отлично понимаю. Мишу освободят, а его показания придержат. Так?

– Я счастлив, что мы достигли полного взаимопонимания, – гаденько улыбнулся юрист. – Следователя известят, и он вас примет. Всего доброго. Рад был познакомиться...

Давыдов не видел в происходящем ничего доброго и состоявшемся знакомству рад не был. Мишины объяснения он тоже не хотел слушать. Они ничего не меняли и ничего не значили. Сработал бессмертный милицейский афоризм: «У нас невиноватых не бывает. Попался, значит, в чем-то да виноват». И Давыдов не собирался оспаривать эту истину. Миша, по его мнению, вполне заслужил того, чтобы провести за решеткой не сутки, а весь остаток своей непутевой, безалаберной жизни дармоеда и пьяницы.

Почему уступил шантажистам и вызволил его? Для Давыдова это был символический акт. Последний родственный жест, которым он слагал с себя дальнейшую ответственность за судьбу взрослого сына. Теперь они были квиты.

– В следующий раз я ради тебя и пальцем не пошевелю, – произнес Давыдов одними губами. Нитроглицериновая сладость давно рассосалась, сменившись горечью, прозвучавшей в окончательном отцовском приговоре: – Живи, как знаешь!

Маленький семилетний Миша укоризненно посмотрел на него с фотографии: как же так, папа?

Смешные вихры, аппетитные щечки, оттопыренные ушки. Этот портрет висел на стене давыдовского кабинета... пятнадцать?... Двадцать?... Ага, двадцать три года, что-то около того. К своему стыду, Давыдов обнаружил, что не помнит, какого числа отмечался Мишин день рождения в позапрошлом месяце. Но это было тридцатилетие, круглая дата. Они с матерью подарили Мише музыкальный центр, который тем же вечером был пропит.

Кого винить в этом? Общество? Наследственность? Воспитание? Папу с мамой? Половину вины Давыдов давно взял на себя и нес по жизни, как персональный крест. Все время

вперед, не оглядываясь. Ведь завод всегда значил для него больше, чем семья. Маловероятно, что он когда-нибудь читал Мише сказки, водил его гулять или играл с ним вечерами. Иначе почему так безнадежны попытки представить себе сына маленьким ласковым карапузом в коротких штанишках? Был ли он, этот карапуз? Вместо реального образа – черно-белый портрет на стене. В детской, на месте карапуза забылся тяжелым похмельным сном взрослый мужчина с хорошо знакомым, но чужим лицом.

Давыдов пытался докопаться до признаков родительской любви в глубине своей души, но не получалось. Пусто было внутри, темно и холодно.

– И все равно я сделал для тебя все, что мог! – упрямо прошептал Давыдов, словно сын мог его услышать. – Ради тебя пошел на преступление. Потому что ты мой сын.

Фотографический Миша, разумеется, ничего не ответил. Настоящий, предоставив отцовскому заводу катиться в преисподнюю нерентабельности, выразил свое отношение к происходящему натужным храпом за стеной.

Давыдов медленно встал, погасил свет и побрел в спальню. «Ничего не поделаешь, – думал он. – Нужно как-то жить-поживать, а умирать рановато».

Смерть с ним согласилась. Почему бы не подождать немного, если никому от нее не скрыться? Но бродила она совсем рядом – прямо за черными окнами. В любой момент мог потребоваться ее выход на сцену.

5

На поминки по тихо похороненной супруге Борис Петрович не попал, ибо на выходе с кладбища был цепко придержан за локотки и препровожден куда следует, где допрашивался со всевозрастающим пристрастием.

Домашнего тайника он до сих пор не нашел и ужасно расстраивался по этому поводу, пока не настало время убедиться в том, что не в деньгах счастье. Припертый к стене уликами, фактами и заваленный с ног до головы отягчающими обстоятельствами, Борис Петрович попытался переложить весь этот непосильный груз на случайного знакомого. Но следователь Зимин ни про какого бесфамильного Женю в черном плаще слушать не хотел, саркастически ухмылялся и просил подозреваемого сосредоточиться на своих собственных действиях. Например, сколько денег он взял у убиенной супруги и куда их подевал? Чем активнее Славин отрицал свою вину, прикрываясь мифическим сообщником, тем грубее и нетерпеливее становился следователь.

Обыск на славинской квартире оказался безрезультативным. Как и следственный эксперимент, для которого Бориса Петровича вывезли на место преступления и попросили пошарить по углам и закоулкам еще раз. Результатов от всей этой суеты – ноль.

Попав в настоящую тюремную камеру, он обнаружил, что там ему гораздо хуже, чем на своем диване. Удобств минимум, атмосфера накаленная и вонючая, соседи беспокойные и опасные.

Одним словом, стало интеллигентному Борису Петровичу плохо, настолько плохо, что вскоре он зачем-то оформил дарственную на свою квартиру в центре города, причем на имя совершенно незнакомого ему гражданина. Фамилию подсказал Зимин, и на протяжении двух дней переоформления жилплощади, когда перед Борисом Петровичем выкладывались различные бумаги, требующие его подписи, следователь выглядел подобревшим и человечным. Из его речей можно было сделать вывод, что арестанта за щедрость вот-вот отпустят на свободу.

– Ну вот, – весело сообщил наконец Зимин, энергично оглаживая ляжки. – Сегодня мы с вами расстаемся, Борис Петрович.

– Да? – искренне обрадовался тот. – Вы – честный человек!

Ответная улыбка следователя оказалась какой угодно, только не польщенной. С этой непонятной блуждающей ухмылкой он сообщил, что дело Славина передается в прокуратуру, поскольку следствием собраны все изобличающие его материалы. Это означало, что гражданин Славин переходит в распоряжение другого ведомства и другого следователя.

– Как? – тупо спросил Борис Петрович. – А потом?

– А потом – суд.

– Но вы обещали... Слово офицера... И квартира...

– Какая квартира? – отреагировал Зимин так быстро, что нахмурился даже раньше, чем успел согнать улыбку с лица. От участливого тона и следа не осталось.

– Я буду жаловаться, – предупредил Борис Петрович, после чего поджал губы так сильно, будто их зашили изнутри.

Зимин не просто встал – вспорхнул со своего места, стремительно обогнул стол и оказался с арестованным рядом, приблизив к нему лицо настолько, что оно совершенно расплылось перед дальнотзорными глазами.

– Запомни, убудюдок, – прошипел он, – заруби на своем семитском носу, что квартиру ты переоформил, находясь в здравом уме и полной памяти, за неделю до того, как было выписано постановление на твой арест. Никто не докажет, что бумаги подписывались задним

числом. А если ты вздумаешь умничать, так я тебя дара речи лишу! Язык вырву! С тобой в тюрьме сделают все, что я захочу, понял? Лучше не рыпайся, если хочешь жить!

Имея уже кое-какой арестантский опыт, Борис Петрович сразу поверил в реальность угрозы и тоскливо завыл, уронив голову на колени.

После много плакал он и в прокуратуре, и на суде, и под нарами, где ему было отведено место на первых порах. Потом и этого последнего убежища лишился, поскольку в обвинительном приговоре фигурировали развратные действия. К несчастью Бориса Петровича, язык он имел неосторожный, на парашу ходил неправильно, место под шестидесятиваттным тюремным солнцем отвоевать не мог. Подловили его, кажется, на эстетском заблуждении, что шахматы – древняя, мудрая, но никак не азартная игра.

Был Борис Петрович Славин, а стал Манька. Даже бородку носить не разрешили, хотя окаймленные ею мягкие губы больше напоминали те, о которых мечтают в неволе. А поскольку оказался Борюсик в самой низшей касте неприкасаемых, то расстанемся с ним и мы, от греха подальше, не прощаясь.

Разве что подразнить его напоследок? Напомнить про «самодовольную птицу», приговоренную им к мучительной смерти с клювом-прищепкой на носу?

Борю-ю-си-ик! Ку-ка-ре-ку-ууу!!!

6

Ну вот, в большом темном городе внезапно проснулась маленькая девочка и принялась тормошить мать, приговаривая:

– Мама... Мама, ты не спи. Спать не надо.

Лена повернулась на кровати, обняла дочурку:

– Что с тобой, Анечка? Плохой сон увидела?

– Я и не спала совсем. Я лежала и думала.

– О чем же?

– О папе. Папа придет?

– Плидет, плидет, – передразнила Лена забавное произношение дочери.

– Не надо «плидет»! Надо «пл-л-лидет», – старательно произнесла та, но каверзная буква «р» так и не получилась. Анечка поразмышляла немножко о вредности этой буквы, вздохнула совсем не по-детски и неожиданно сообщила:

– Папе страшно!

– Что ты выдумываешь? Почему это ему страшно?

– Потому что он боится. Его напугала чужая толстая тетенька. Сама белая, а лицо черное.

– Какая еще тетенька? – недовольно спросила Лена и села на кровати.

В темноте глаза дочери показались ей неправдоподобно большими и таинственными. Анечка тоже поднялась с подушки, замерла, как мышонок, которому почудилось в ночи слабое дуновение от бесшумных совиных крыльев.

– Злая, – прошептала девочка. – Папа ее боится, он плачет!

Лена вздрогнула и сердито сказала:

– Глупости! Никогда он не плакал!

– Так заплакал! Он же один теперь... Почему мы его бросили?

– Плохо себя вел, вот и бросили, – ответила Лена. – Ты в этом ничего не смыслишь.

– Смыслу-смыслу, – хитро сказала Анечка. – Ты хочешь, чтобы он первым пришел мириться.

Лена улыбнулась:

– Допустим.

– Да! – тихонечко обрадовалась дочь. – Допустим! Мы его обязательно допустим, когда он придет мириться.

– Ну все, хватит. Закрывай глаза и спи.

Анечка послушалась, но через минуту вдруг произнесла невнятно и сонно:

– А лучше не надо...

– Что не надо?

– Допускать папу... Ему было так страшно, что он сам стал страшный.

Лена быстро взглянула на дочь и увидела, что Анечкины глаза снова широко открыты. Охваченная смутной тревогой, Лена почти крикнула, сумев сдержать голос, но не отчаяние, прозвучавшее в нем:

– Да уснешь ты, в конце концов!

Потом она заплакала. Девочка понаблюдала за ней немного и заплакала тоже.

7

Жека проснулся среди ночи, провел рукой по лицу и с удивлением обнаружил, что глаза его мокры от слез. Надо же! Он и в детстве никогда не плакал, если доверять воспоминаниям.

Стоп! Почему стул выдвинут на середину комнаты, словно кто-то недавно сидел на нем, наблюдая за ним, спящим? Жека не помнил, чтобы трогал этот проклятый стул. Пришлось вставать и водворять его на обычное место.

Мрак за окном был совершенно непроницаем. Отражение освещенной комнаты не заслоняло собой ночь, а лишь подчеркивало ее давление снаружи. Оконные стекла казались очень хрупкой и ненадежной преградой между светом и темнотой, грозящей хлынуть в комнату и разом затопить ее от пола до потолка, как бездна поглощает жалкие подводные суденышки вместе с человечками, рискнувшими заглянуть глубже, чем им позволено природой.

«Кажется, я не раздвигал шторы», – подумал Жека, с неприязнью наблюдая за своим двойником, прикуривающим сигарету напротив окна. Красная точка ничуть не украсила черно-желтый прямоугольник безрадостной картины. Жека сделал несколько шагов и с облегчением уткнулся лбом в холодное стекло. Это было приятное ощущение. И, главное, теперь он не видел себя. Тем более когда перевел взгляд вниз, на успокаивающую белую гладь подоконника.

Правда, местами его белоснежная послеремонтная девственность была нарушена причудливыми цветными пятнами. Жеке вспомнилось, как пару недель назад они с Анечкой воздвигли здесь целый пластилиновый замок, обнесенный рвом с самой настоящей водой. Ох, и досталось же им от Ленки! Потом отскребали подоконник до вечера, а ужинать гордо отказались. Сейчас бы немного Анечкиного смеха! Или Ленкиного шепота: «Погоди, она еще не уснула»...

Тишина мягко навалилась на спину, холодно дохнула в затылок, взъерошив волосы и наполнив уши слабым звоном. Ужасно хотелось обернуться, однако что-то мешало сделать это сразу. Неужели я боюсь? – спросил Жека мысленно неизвестно у кого.

И ответ пришел незамедлительно:

Конечно. Раньше ты никогда не спал с включенным светом.

Жека резко повернулся назад и настороженно оглядел пустую комнату, убеждаясь, что, кроме него, в ней никого нет. Присел на подоконник и замер, прислушиваясь к тишине и своим ощущениям. Вроде бы все в норме. Никаких угрызений совести или самоубийственных порывов. Покойница во сне не явилась и голым призраком по комнате не скакала. На Борюсика ему вообще было наплевать с высокой колокольни. Мужик хотел холостяцкой свободы и богатства, так? Что ж, Жека все устроил. Наполовину мечта Борюсика сбылась: он избавился от супруги. Вторую половину мечты – деньги – Жека по справедливости взял себе. Баш на баш! А угрызения совести, они для тех, кто попался. Вот этих неудачников и ждет плач да скрежет зубовой.

По Уголовному кодексу для них предусмотрены самые разные наказания. А библейская статья только одна: котел с кипящей смолой. Интересно, как описали бы ад древние, доживи они до современного прогресса? После всех этих ГУЛАГов, ОСВЕНЦИМОВ, ПОЛПОТОВСКИХ лагерьей? Жека грубовато хохотнул и осекся, сообразив, что только что рассуждал вслух. Это никуда не годилось! Кары небесной он не боялся, а вот сойти с ума, свихнуться, сбрендить – было бы очень обидно на этапе первоначального накопления капитала.

«Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша...»

Часы показывали половину третьего ночи. Вполне достаточно времени, чтобы на расвете отрапортовать с идиотской улыбкой: «С добрым утром, страна!.. Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало!»

Отгоняя тревогу, Жека извлек из-под подушки свою обнову – пистолет Токарева с восьмизарядным магазином. Его без труда удалось приобрести на рынке за пятьсот баксов вместе с коробкой патронов калибра 7,62 мм. Возможно, Жека переплатил за «ТТ» вдвое. Он не задумывался об этом. Ему захотелось иметь сотовый телефон и оружие, и он их заимел, вот и все. Так и должно быть. Отныне так будет всегда.

Двух десятков патронов, бездарно расстрелянных за городом, было жаль гораздо сильнее, чем уплаченных за них денег. Но зато Жека немного набил руку и убедился, что тульская чудо-машинка не взрывается при нажатии на курок. Хорошая вещица, надежная. Такая не подведет, не предаст, как делают это даже самые близкие и любимые люди...

Сообразив, что он держит оружие дулом вверх, да еще задумчиво поглаживает пальцем курок, Жека поспешно отшвырнул «тэтэшник» на кровать. Предохранитель предохранителем, но заряженный автоматический пистолет не самый лучший предмет для медитации. И уж тем более не годится он для одиноких игр в русскую рулетку.

Нужно было занять себя чем-то попроще. Хотя чем-нибудь! И поскорее! Он понимал, что ему лучше оказаться среди людей, не то ночь окажется бесконечной, как безумие.

Можно даже пить в одиночку. Но переживать в одиночестве бессонницу страшно и невыносимо.

8

– Зин, ты только глянь на это чудо в перьях, – промурлыкала Кристина, которую на самом деле звали Катей, хотя это никого не интересовало. – Я щас прям кончу! В дореволюционном кожухе, но зато при сотовом телефоне.

– А что? Очень даже симпатичный мужинка, – отозвалась Зинка. – Только чуток постричь, приодеть...

Казино «Фортуна» в предрассветные часы было не столь многолюдным, чтобы «ночные бабочки» не замечали новых персонажей, возникающих в зале.

Молодой человек, получивший оценку «удовлетворительно», не удостоил девушек ответным вниманием – прошуршал своим черным плащом прямиком к барной стойке.

– Мне чего-нибудь покруче.

– Простите?

– Выпивка. Какая будет подороже и получше?

– Гм... Трудно сказать... Предпочитаете крепкие напитки?

– Разумеется.

– Тогда рекомендую великолепный армянский коньяк «Самвел». Ничего дороже и крепче в нашем баре не водится.

– Значит, стакан.

– Как?

– Стакан коньяка. Полный.

Чопорно поджав губы, бармен назвал цену. Станный посетитель не упал в обморок и не бросился наутек. Извлек бумажник, открыл, как бы ненароком демонстрируя бармену его содержимое. Тот просиял лицом от пробора до пурпурной «бабочки» под подбородком. Пришелкнул холеными пальцами, подавая знак насторожившемуся вышибале в зале: все в порядке, клиент платежеспособный, расслабься. Вышибала разгладил мышцы под пиджаком, но не слишком – хозяин казино терпеть не мог, когда сотрудники расслаблялись. Кроме того, момент был как раз довольно напряженный. Состоятельность клиентов сильно волновала не только персонал, но и некоторых завсегдатаев. В «Фортуне» любили и ценили такие ночи, когда сюда заплывали глупые, жирные караси, таскающие не меньше пяти штук прямо в кармане. Главное, этот тип явился совсем один, без компании, без охраны. На что он рассчитывал? На магические чары какого-нибудь талисмана?

Вышибала, как бы играючи, трижды высек пламя из своей зажигалки. Маячок сработал. Заинтересованные лица в дальнем углу с трудом сдержали довольные ухмылки. Ночь поднесла им приятный сюрприз.

Фраерок, прихватив бокал, до краев наполненный душистым пойлом, отчалил от стойки. Бумажник-лапоть уже исчез в его кармане, зато в свободной руке возникла трубка сотовика. Не просто богатенький – очень глупый и богатенький Буратино.

– Нет, ну я уже конча-аю! – продолжила свой бесхитростный припев Кристина, которая на самом деле не знала более острых ощущений, чем восторг от примерок нового шмотья. – Так на кукан и напрашивается!

– И откуда только такие берутся? – сказала Зинка мрачно. – Лошок непуганый! Придурок!

– Ты че, мать? Радоваться надо, что еще не все лохи повымирили!

– А они не вымирают. Их забивают, как мамонтов...

Тем временем степенно, как непотопляемый линкор, Жека плыл между столами, прихлебывая коньяк на ходу. По его виду невозможно было догадаться, что он злится на себя за то, что достал эту дурацкую пикалку с антеннкой. Звонить Жека никуда не собирался, а

его по этому номеру не мог искать никто. Совершенно дурацкое приобретение, если разобратся. Но сотовый телефон был для Жеки важным символом. Точно так же, как пистолет, притаившийся на поясице за брючным ремнем. Трубка внушала уверенность в собственном благополучии. Оружие весомо подтверждало эту уверенность. В итоге Жека ощущал себя новым. Нет, не анекдотическим «новым русским». Обновленным. Заново родившимся.

Прогуливаясь по казино, он ненадолго задержался возле вхолостую запущенной рулетки, которой крупье рассчитывал вскружить ему голову за неимением других кандидатов. Повинуясь жесту крупье, навстречу Жеке шагнула долговязая девица в ополовиненном купальнике. На подносе, который она держала перед собой, стояли сверкающие рюмочки-наперстки и лежали две девицыны грудки.

– Угощайтесь, пожалуйста, – прощebetала ходячая приманка. – За счет заведения.

Жека хотел было поинтересоваться стоимостью предлагаемой закуски, но сдержался, пожалев девицу. Простаивает тут ночи напролет на своих ногах-ходулях с высоченными каблуками, а перспектив у нее не больше, чем у манекена. Велят раздеться совсем – разденется. Забудут где-нибудь в подсобке – там и останется.

Натянуто улыбнувшись, Жека продемонстрировал девице свой бокал, способный вместить содержимое сразу всех рюмочек на подносе. Она тоже улыбнулась, но глаза ее были полны ненависти. Вероятно, ей платили сдельно, за каждого приманенного к рулетке клиента.

Крупье ненавязчиво кашлянул за спиной девицы, и она, пересиливая себя, заговорила еще более нежным голоском:

– Хотите сыграть? Вам повезет, вот увидите.

Никакого азарта Жека не испытывал. Он уже сорвал банк в собственной рискованной игре, доставившей ему достаточно острых ощущений. Почти *безумно* острых. А тут фишечки. Красное-черное. Чет-нечет. Скучно, господа. Ставки должны быть настоящими: нищета-богатство, тюрьма-свобода, смерть-жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.